

„ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ“.

(Страница из истории общества «Земля и Воля» 70-х годов.)

«Идеи, пережившие свое время, могут долго ходить с клюкой, могут даже, как Христос, еще раз—два показаться после смерти своим адептам, но трудно для них снова завладеть жизнью и вести ее. Они не увлекают всего человечества, или увлекают только неполных людей».

Герцен. Былое и Думы, т. II, стр. 274.
Женевское издание.

I.

15—18 августа 1879 г.—от основания общества «Земля и Воля» четвертое лето, царствование же Александра II двадцать пятое—в Петербурге в революционной среде случилось одно весьма крупное событие: общество «Земля и Воля» «разделилось в самом себе», расколосось на две самостоятельные, независимые фракции. На первых порах обе фракции—назовем их пока фракция «террористов» и фракция «народников-ортодоксов»—жили некоторое время *ohne Name und Vorname* (без имени и звания). Раскол глубоко огорчил *громадное большинство* бывших товарищей, а иных он глубоко ранил, хотя все были уже до известной степени подготовлены к этому и предвидели *возможность* его. Тяжело было старым товарищам—друзьям,—а таковых в среде общества было не мало,—«разбрестись врозь» после трехлетней согласной и напряженной работы под одним знаменем «Земля и Воля», обладавшим такой притягательной силой.

Но вышло так, что *надо* было разойтись, *надо* было несогласным развязать себе руки...в смутной, может быть, надежде,

что в ближайшее время старые товарищи по оружию снова встретятся где-нибудь на одной из узловых станций боевого пути, скрестятся,—не для того только, чтобы *вместе* бить общего врага, а дальше *врозь* пойти,—нет! а для того уж, чтобы они, в полном уж единении и согласии, завершили задуманное ими дело освобождения народа от вековых оков *государственного и социального гнета*. Но факт свершился.

Ниже мы увидим, что раскол этот отнюдь не был вызван *необходимостью*, что ни *общая* ситуация—особенно обострившаяся тогда борьба между *единственно* борющимися в то время общественными силами: революционными группами, с одной стороны, и правительственной организацией—с другой,—ни взаимные отношения членов общества «З. и В.»,—за небольшими лишь исключениями, конечно, ни, наконец, какие-либо *существенные* разногласия принципиального и тактического характера на самом деле не вызывали *неизбежно* этого раскола. Тогда, сорок два года тому назад, раскол казался будто *неизбежным*: страсти разгорались, вмешалось много субъективных моментов, начиная с незаметных уязвлений самолюбия и кончая трудно скрывае-мой личной антипатией (в скобках замечу—исключительно среди *редакторской* группы «З. и В.»). Большую роль, конечно, играл здесь и *темперамент*, бессознательно толкавший людей то в сторону *ближайших* достижений, связанных с сильными, интенсивными ощущениями, то в сторону более спокойной, сосредоточенной работы, преследующей, хотя и более *далекие* цели, но за то и более важные и прочные.

Обе фракции—каждая на свой манер—пошли своей дорогой, оказывая, однако, согласно «*договорной конституции*», друг другу помощь и поддержку. «Террористы» вскоре получили всероссийскую, чуть ли не европейскую, известность, как «*партия*» «Народная Воля», а народники—как «*группа*» «Черный Передел»¹⁾.

¹⁾ Я оставил название «партия» для «Народной Воли» и «группа» для «Черного Передела», ставя эти названия в кавычки и подчеркивая их, желая этим показать, что я позаимствовал эти термины у других авторов, а именно: у Э. А. Серебрякова и А. Корнилова. Пусть будет так! Если будущий историк «Народной Воли» горько улыбнется при титуле ее «партия»—ему книга в руки! Может быть, он найдет, что ни о какой «*партии*» по отношению к

«Террористы», организовавшись уже на Липецком съезде и освободившись 15 августа 1879 г., после неудачной попытки к единению на Воронежском съезде, от докучливого товарищеского брюзжания *некоторой* части староверов-народников,—двинулись вперед с высоко поднятой головой, как *народовольцы*. Они выступили решительно с победным *общим* лозунгом: Delenda est Carthago! («Да погибнет Карфаген!») и *конкретным* грозным кличем бессмертного Вольтера: «Ecrasez l'infame!» («Задуйте подлую!») по адресу Александра II¹⁾.

В «партию» «Народной Воли» вошли из *старых* землевольцев следующие лица: 1) А. Д. Михайлов, 2) А-др Квятковский, 3) С. Баранников, 4) А. Зунделевич, 5) В. Н. Фигнер, 6) С. Л. Перовская (некоторое время лишь *временно, условно*), 7) М. Ф. Фроленко, 8) Л. Тихомиров, 9) Н. А. Морозов, 10) А. Пресняков и из *новых* землевольцев, принятых на Воронежском съезде,—11) А. Желябов, 12) Н. Колоткевич, 13) С. Ширяев и, наконец, 14) Ошанина, М. Н.

Итого *четыренадцать* бывших землевольцев. И что за красочные, сильные индивидуальности! Трибун и организатор А. Желябов, заговорщики-организаторы, как А. Д. Михайлов, М. Н. Ошанина, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская и др. Все—смелые, стойкие, сильные волей, самоотверженные. Железо и кремь, бесстрашие и беспощадность в борьбе. Лучшие силы тогдашней революционной среды, отбор самых испытанных. Все—захваченные *одним* порывом, *одним* настроением, *одной* целью. Это настроение—глубокая, неискоренимая ненависть к царизму, эта цель—борьба на жизнь и смерть с ним, во имя *политической свободы*,—как ближайшее достижение этой борьбы. Два года слишком назревало постепенно это настроение в революцион-

«Народной Воле» и речи быть не могло, что это была лишь «*группа*», как и «Черный Передел»,—если историк к этому придет, то этим только подымет престиж «Нар. Воли», подчеркнет сильнее ее заслуги: она шла на верную гибель, оставив после себя традицию славной борьбы с тиранией. А.

¹⁾ «Ecrasez l'infame!» был в XVIII столетии боевым лозунгом Вольтера против «подлой» католической клики Франции. Борьба Вольтера с католической церковью, с католицизмом—одна из самых ярких страниц в истории борьбы общественной философии XVIII века, подготовившей во Франции крушение «старого порядка». А.

ной среде. Впервые оно уже ясно формулировалось наиболее политически развитыми членами общества «З. и В.» еще зимою 1877—78 г.: Валерианом Осинским, Ольгой Натансон, Оболеншевым, Лизогубом и Зунделевичем, а на юге—Фроленко, Попко, Колоткевичем и другими. (Вообще южане-народники раньше северных народников отказались от политической идиосинкразии своей—отрицания политической борьбы для достижения политической свободы. Может быть, здесь сказалось влияние украинофильских тенденций верхних слоев малорусского культурного общества, может быть, и влияние товарищей—поляков). Окончательно же окристаллизовалось это настроение как *политическое* настроение в обществе «З. и В.» лишь со второй половины 1878 г. и весной 1879. Яркими выразителями этого направления явились «центр» общества «З. и В.», с одной стороны (А. Д. Михайлов, Квятковский, Зунделевич), и два члена *редакторской* группы (Н. А. Морозов и Л. Тихомиров)—с другой.

После же раскола «партия» «Народной Воли» уж без всяких оговорок решительно и открыто развернула знамя политической борьбы для завоевания политической свободы. Политическая борьба и достижение политической свободы становятся, таким образом, в «*порядок дня*», становятся *злостью* дня—неотложными, повелительными. И это-то именно *настроение*, это-то *ближайшее задание* и придали впоследствии всему народовольческому движению ту яркость, красоту и привлекательность, которые так импонировали молодому поколению и широким кругам интеллигентного общества. Я захватил *начало* народовольческого направления, *первые* лишь смелые выступления партии «Народной Воли»—как *народнически-социалистической* партии, так открыто и смело порвавшей с предрассудками против политической борьбы и политической свободы—*ближайшего* результата этой борьбы.

Я отмечу здесь лишь то, что я, как современник, видел, слышал и воспринимал из *начального* народовольческого движения в течение осени и зимы 1879 г. и первого месяца 1880 г. (в конце января 1880 г. я был уже арестован, а потому, само собою, в *современниках* уж не числился).

В то время, как чернопередельцы только собирались с силами, собирались что-то делать большое, народовольцы высту-

пили уж в полной боевой готовности, двинули на работу все наличные свои силы—духовные и материальные. Всем памятно, полагаю, те грандиозные террористические предприятия, которые были ими устроены на пути следования Александра II из Крыма в Петербург. Покойный Г. В. Плеханов назвал эти предприятия «облавою на медведя». Но «медведь» этот не раз ушел целым и невредимым. Народовольцы не теряют бодрости и готовят новую «облаву».

Вместе с тем народовольцы уже выступили со своим фракционным органом «Народная Воля», *первый* номер которого появился уже 1-го октября 1879 г., т.-е. полтора уже месяца спустя после происшедшего раскола общества «З. и В.».

В этом № 1 и народовольцы, и чернопередельцы *впервые* публично, путем печати, выступают с объяснением, как причины раскола, так и декларацией своих взглядов, своей ближайшей тактики. И то, что совершилось в тесном кругу революционной среды только, стало достоянием, наконец, общества—как *fait accompli*.

Народовольцы посвятили своему объяснению и своей декларации *заглавный* лист своего органа («журнала», по выражению редакции), а чернопередельцам они отвели для этого место на *самом конце* своей газеты, так сказать, на задворке ее. Так, по видимому, полагается.

Послушаем, что говорят и те, и другие. Начнем с народовольцев.

Редакция «Н. В.» начинает, прежде всего, с того, что успокаивает друзей: ничего-де особенного не случилось в революционной среде: «Молчание революционной прессы обуславливалось вовсе не разгромом партии, который существует больше в воображении правительства». Наступили-де летние вакации, а это—«не время для чтения». О этом-де ведь было уже заявлено своевременно в последнем номере «Земли и Воли». Одним словом, пусть друзья не тревожатся: свободное слово снова раздастся в Петербурге и будет звать на борьбу. Таков приступ редакции. Затем следует самое главное.

—«Нам очень хотелось бы теперь,—заявляет редакция,—выступить снова под старым названием «Земли и Воли», столько пережившей, так близкой нам и по воспоминаниям, и в смысле

лозунга. К сожалению, мы не имеем на это права. «Земля и Воля» велась известной группой редакторов и издателей, в том числе и нами.

Расходясь *теперь* между собой во взглядах на значение борьбы с правительством, мы и остальные наши товарищи по «Земле и Воле» решили прекратить свое старое издание, и, очевидно, ни мы, ни они, в отдельности взятые, не имеем права присваивать себе это название».

Так вот, где собака зарыта! Первая склока в обществе «З. и В.» зачалась в редакционной его группе, где редакторами органа «З. и В.» были: Г. В. Плеханов, Н. А. Морозов, Л. Тихомиров, С. Кравчинский (до отъезда его за границу) и Д. Клеменц (до ареста его в марте 1879 г.). Когда же началась эта печальная склока? Весною лишь 1879 г., т.-е. когда ответственными редакторами перед обществом «З. и В.» остались лишь первые три названные лица—Плеханов, Морозов и Тихомиров. Но, как от искры может загореться целое здание, так и от этой искры розни занялись нелады и во всем построении «Земли и Воли»: сначала она, эта рознь, захватила только «центр» общества «З. и В.» (Д. А. Михайлова, Квятковского, Зунделевича), а потом мало-по-малу передалась и некоторым другим членам общества (М. Р. Попову, Н. П. Мощенко, В. Игнатову).

Эти именно прискорбные отношения, эту глубоко ранившую меня рознь между товарищами общества я уже застал весною 1879 г., когда вызван был из Тамбовской губ. в Петербург ¹⁾. Общество «З. и В.» дало, таким образом, трещину еще весною 1879 г., а к концу лета этого же года трещина превратилась уже в раскол.

Далее редакция заявляет, что, в виду того, что одна часть старой редакции «Земли и Воли» вошла в редакцию «Народной Воли», то, «стало быть, что «Народная Воля» вполне солидарна с принципами, которые развивала «Земля и Воля», что впредь редакция намерена «вести» «Народную Волю» в том же духе, не копируя, конечно, старых своих статей, а развивая старые

¹⁾ Подробно об этом см. О. В. Аптекман. «Земля и Воля» 70-х годов. Тл. VIII, стр. 176—177. Издание «Русской Исторической Библиотеки», № 19, 1907 г.

принципы сообразно с историческими условиями, в которых придется действовать нашему изданию» ¹⁾. Заключительный аккорд:—«Журнал, как и практический деятель, должен принимать в соображение те беспрерывно изменяющиеся комбинации, в которые становятся между собою правительство, общество, интеллигенция, народ и сама партия, чтобы среди этих комбинаций направлять деятельность партии целесообразно. Практические мероприятия партии не могут быть составлены раз навсегда по одному шаблону. Неизменной остается лишь одна цель, средства необходимо должны изменяться. Сегодня обстоятельства могут потребовать, чтобы все силы партии направлялись на борьбу с правительством, завтра может быть необходимой усиленная деятельность среди городских рабочих, среди крестьянства, в расколе и т. п.»

Справедливость требует сказать, что декларация редакции составлена весьма сдержанно и с большим тактом. Сор из избы, во всяком случае, не выносятся на радость и утеху «княгини Марьи Алексевны»—царского правительства. Ближайшая причина раскола указана верно. Очередная тактика народо-вольческого органа очерчена ярко, выразительно и без экивоков.

Основной принцип этой тактики—*оппортунизм* чистой воды с примесью смышленного *практицизма*. Верховный принцип «практических мероприятий партии»—*целесообразность*. Движение—все, конечная же цель («Земля и Воля»—ведь народо-вольческий орган—горячий сторонник этого лозунга, а, стало быть, исповедует социалистическое народничество!) уплывает в туманную даль, за дымкою которой слабо мерцает манящий к себе «мираж». Я не знаю доподлинно, кто именно автор этой декларации, но узнаю «по когтям льва» (ab ungue Leonem, как говорили римляне), узнаю Льва...Тихомирова: его стиль, манера мышления, его выраженный так выпукло практицизм (оппортунизм). Если и не он автор этой декларации, то, во всяком случае, он как идеолог народо-вольчества (в начальном, по крайней мере, периоде бытия партии «Народн. Воли»)—ее *вдохновитель*.

Это для меня несомненно. Ниже мы познакомимся с его руководящей статьей в № 5 «Земли и Воли», где отмеченные

¹⁾ Курсив везде мой. А.

нами черты литературного творчества Л. Тихомирова особенно рельефно выступают, а пока все это—в скобках.

В первом же номере «Народной Воли», как я выше уже упомянул об этом, помещено «объявление об издании газеты «Черный Передел» от имени редакции. Написан этот манифест Плехановым,—кратко, сжато и довольно дипломатично. Может быть, эта несвойственная Плеханову дипломатичность—вынужденная: во-первых, в виду общего врага—царского правительства—сдержанный тон обязателен; а, во-вторых, прибегая к посредничеству органа противной стороны, надо также считаться с дипломатией. В чужой монастырь с своим уставом не суются, говорит народная мудрость.

Редакция имеющего еще появиться органа «Черный Передел» тоже констатирует раскол общества «З. и В.», ничего, однако, прямо не говоря об этом расколе. Он отмечает лишь со спокойствием Нестора-летописца, что...«усилившийся до небывалых размеров правительственный гнет естественно должен был вызвать новую дифференциацию в деятельности революционеров и даже, до *некоторой степени*, во взглядах их на *практические задачи партии*». Очень дипломатично! Ни дать, ни взять—потелейрановски: «до *некоторой степени*!» (Курсив мой. А.).

А в таком случае из-за чего весь то сыр-бор загорелся? Зачем было расколоться? Ведь это сакраментальное «до *некоторой степени*» в связи со следующими словами: «во взглядах их на *практические* (курсив мой. А.) задачи партии»,—это в совокупности может положительно побить рекорд при сопоставлении его с прославленной «сугубой аллилуией» наших раскольников!... Из декларации Плеханова выходит, что не только не было разногласий по *существу*, т. е. *принципиальных* разногласий, но и *тактические* разногласия («взгляды на *практические задачи*») были лишь «до *некоторой степени*», т. е. опять-таки, повторяю, до степени «сугубой аллилуии». Но это не везде. Наш автор декларации подвигается дальше еще на поприще дипломатии: он, Плеханов, бывший редактор «З. и В.», он, самый правоверный из землевольцев-народников, так непримиримо боровшийся все время за свое «до *некоторой степени*» и круто порвавший на Воронежском съезде с обществом «З. и В.», со своей революционной alma mater,—как, спрашиваю, он вдруг вздумал приурочить

свою «дифференциацию» к моменту, уже *последовавшему* за расколом, или, как он тонко выражается:—«С *тех пор, как приостановилось издание «Земли и Воли»...?* (Курсив мой. А.). Вот что значит быть в гостях в чужом лагере! Прав, тысячу раз прав Плеханов, что «усилившийся до небывалых размеров правительственный гнет естественно должен был вызвать новую дифференциацию в деятельности революционеров»... Но разве эта «дифференциация» не началась *еще раньше*, приблизительно за год еще (со *второй* половины 1878 г.)! Разве нашему автору не известна дезорганизаторская деятельность Исполнительного Комитета Валериана Осинского на юге и целый ряд *подобных* же актов его товарищей-землевольцев в Петербурге и других местах, подготовивших, таким образом, уже загодя эту «дифференциацию»? И разве «правительственный гнет», как один из *ближайших* моментов только этой «дифференциации»,—явление *новое* в России? Разве этот гнет никогда не прекращался, ослабевал хоть на один момент, давал передышку, проявлялся перебоями? Но факт тот, что датировать надо эту «дифференциацию», *определенно впервые* выраженную, к второй половине 1878 г., а не к моменту, *последовавшему* за расколом в обществе «З. и В.» Эта поправка необходима для выяснения *действительных ближайших* поводов раскола; эта «дифференциация» только затушевывает действительные поводы последнего. И дальше. Редакция «Черного Передела», отстаивая свое совершенно законное право иметь свой орган печати, «как бы ни казались *незначительными* различия между взглядами революционных фракций» [если «незначительны», то из-за чего пошли врозь? (Курсив мой. А.)],—продолжает свою декларацию:—«...Мы думаем, что его направление (т. е. направление издания А.) достаточно определится, если мы заявим полную солидарность со взглядами, выраженными в *передовых статьях* 1—5 №№ «Земли и Воли». Дальнейшее развитие этих взглядов, определение задач партии в народе и *предостережение ее от излишнего увлечения задачами чисто политического характера* ¹⁾, могущего отвлечь партию от единственно возможного для нее пути—агитация на почве

¹⁾ Курсив последних двух строк («предостережение» и т. д.) принадлежит мне. А.

требований народа, выражаемых лозунгом «Земля и Воля», — будет составлять нашу задачу».

Редакция «Черного Передела» подчеркивает слова: «в передовых статьях 1—5 №№ «Земли и Воли». Это что значит? В этих именно «передовых статьях», как ниже увидим, *впервые* в печати излагалась народнически-землеволевская программа и ее тактика, основные начала народничества и практическая программа.

Так вот с этими-то *«передовыми статьями»* *только* и согласна редакция «Черного Передела». Но ведь в органе «Земля и Воля» были еще и другие отделы, которые обязаны были трактовать различные вопросы общественной, политической, народной и партийной жизни с точки зрения социалистического народничества? Ведь в органе «З. и В.» была еще «хроника» в форме «Листков» «З. и В.»? Что же об них так стыдливо-скромно, — *schüchtern*, я бы сказал по-немецки, — умалчивает наш строгий, непримиримый ортодокс Плеханов? Ларчик просто открывается. В этих-то «Листках» и проч. и скрывается *Pudelskern разногласие*: в них-то именно сокрыта та черная ересь, из-за которой загорелся пожар редакции «Земли и Воли», там именно сказалось то «излишнее увлечение задачами чисто политического характера», от которого редакция «Черного Передела» собирается теперь «предостеречь партию» и которое в свое время на Воронежском съезде вынудило демонстративный уход Плеханова из общества «Земля и Воля». Редакция «Черного Передела» не удержалась на высотах бесстрастной дипломатии и заговорила языком, не скрывающим, а, наоборот, выявляющим ее сокровенные мысли, туман рассеялся: мы знаем теперь, что по мнению редакции «Черного Передела» послужило *действительным* поводом к расколу общества «Земля и Воля». «Дифференциация» тут не при чем, а лишь не лишенный красоты полуфилософский жест, чтобы... не испугать гусей в редакции гостеприимной «Народной Воли». Плеханов — большой ум, но заурядный дипломат.

Как бы то ни было, несмотря на дипломатию обеих деклараций — и народофильской, и чернопеределовской — событие, имевшее место в тесном кругу лишь революционной среды 15 августа 1879 г., с появлением 1 октября того же года № 1 «Народной Воли», сделалось, наконец, достоянием, как молодой русской интеллигенции, так и широких кругов общества, и что было

втайне, стало вьявь: общество «Земля и Воля» приказало долго жить потому, что не поладили между собою прежде всего члены редакционной группы «Земли и Воли» из-за «сугубой аллилуии», которая потом ввела в соблазн и остальных товарищей по «Земле и Воле», порешивших с болью в сердце «разбрестись врозь»...

Такой вывод вытекал из дипломатической декларации обеих фракций. Но это вполне соответствует *фактической* правде, помимо дипломатических поползновений обеих сторон что-то смягчить, что-то затушевать. Как же на это реагировала молодая интеллигенция и интеллигентное культурное общество? Ведь факт раскола в революционной среде, — в виду определенно выраженной новой линии поведения («тактики») одной фракции и молчаливого сочувствия к этой тактике, с некоторыми лишь оговорками и ограничениями — другой, — приобретал этим несомненно *общественное* значение, характер *общественного* явления капитальной важности: борьба за политическое освобождение страны созревала и чувствовалась тогда, как *неизбежная* борьба, а политическая свобода — как необходимый этап для окончательного и решительного раскрепощения страны от гнета самодержавно-полицейского режима. Это *общественное* настроение двух наиболее прогрессивных и чутких к свободе общественных слоев — передовой учащейся молодежи и «либеральных» кругов «общества» — в то время (осенью и зимою 1879 г.) выступало тогда очень выпукло. Я жил тогда в Петербурге, состоял в рядах чернопеределовцев в качестве одного из членов «администрации» группы «Черного Передела» и одного из редакторов ее литературного органа того же имени. Мне приходилось сталкиваться и с молодежью, и с представителями общества — посредственно и непосредственно.

Расскажу о том, что я видел, чего не мог не видеть.

Молодежь, среди которой я с одним моим товарищем по «Ч.П.», Николаевым, вел пропаганду народнических идей, народнической программы, слушала нас с интересом, во многом соглашалась, но шла к нам неохотно. Мы ее не *захватывали*, вернее, — наша идеология и наша программа, *ближайшие* наши задания.

Об этом я более подробно буду говорить ниже, в связи с пропагандой *землеволевской* идеологии и ее программы. А пока только констатирую факт: молодежь к чернопеределов-

цам не шла (отдельные единицы и десяток-другой сочувствовавших и приставших в счет не идут). То же было в провинции. Сочувствие к нам было платоническое. Надежда на возможность в ближайшее время народного восстания, необходимость готовить и ускорить эту возможность не двинули молодежь с ее выжидательного состояния. Не то борьба с правительством во имя достижения политической свободы, куда звали ее народовольцы.

Там, у народовольцев, «борьба» кипит (в молодом, разгоряченном мозгу один—два удачных аттентата перевоплощаются уже в «борьбу»), кровь льется, пахнет дымом пороха и грохотом динамита, там полнота жизни, богатство сильных эмоций, захватывающих настроений и действий,—словом, «*счастье борьбы*» (слова Н. К. Михайловского ¹⁾).

Это настроение в молодежи питалось и поддерживалось темной, свирепой политикой царского правительства. За последние 2—3 года правительство с особой свирепостью обрушилось на учащуюся молодежь. Административным «скорпионам» и репрессиям всякого рода не было конца. Молодежь волновалась то тут, то там; вспыхивают «студенческие беспорядки», обобщаются и становятся почти одновременно повсеместными — *общестуденческими*. Молодежь борется за свои *академические* интересы, но она не может не сознавать,—по крайней мере, не *чувствовать*,—что она, вместе с тем, борется и за *политические* интересы *всей* страны, ибо *всякая* борьба в рамках царского режима волей-неволей становится политической. И так как в заявлениях обеих фракций, а потом и в направлении руководящего литературного органа народовольцев, выражавшего собою социальное и политическое гребно последних,—молодежь не усмотрела никакого существенного различия между обеими отколовшимися от одного корня—общества «З. и В.», фракциями, то, принимая все это во внимание, молодежь естественно потянулась к той фракции, которая оказалась наиболее жизнеспособной и деятельной и которая своей тактикой отвечала наиболее назревшим, неотложным

¹⁾ Н. С. Русанов. «Политика» Н. К. Михайловского, стр. 136. «Бьлое», июль, 1907 г. Курсив мой. А.

и повелительным требованиям данного исторического момента. И народовольцы действительно в то время, о котором я пишу (осень и зима 1879 и январь 1880 г.), монополизировали операционную базу среди молодой интеллигенции. Чернопеределыцы были оттиснуты на задний план.

Кто не идет за своим временем, кто лишен общест-венно-политического чутья, тот выбрасывается за борт живой общественной жизни,—будь то отдельная личность, или группа лиц—все равно. Как же отнеслось интеллигентное общество к расколу и заявлениям обеих фракций?

Та часть общества, которая преследовала цели мирного и постепенного развития прогресса, в то время была глубоко потрясена развертывавшейся перед нею кровавой драмой революционного движения. Навыки мысли, навыки жизни отталкивали ее от насильственной формы борьбы. Но политическое развитие, понимание громадной важности политической свободы, как необходимого элемента культурного и общественного прогресса, полное разочарование в правительственных «либеральных» мероприятиях, глубокая ненависть и презрение к этому бездарному и жестокому правительству, коварно водившему ее за нос, в течение двадцати пяти лет царствования «Царя-Освободителя»,—все это, в последнем счете, расположило и эту часть общества в пользу народовольцев. Наши прогрессисты-демократы учли этот момент, как *возможный* и *желательный* шанс победы партии «Народной Воли», а, с тем вместе, и падения неограниченного царски-бюрократического порядка *inde—общее* сочувствие народовольческой борьбе. Пусть это сочувствие, в существенном, было только *пассивное*, но оно создавало благоприятную для народовольческой партии *общественную* атмосферу, насыщенную разочарованием, горечью, гневом и неискоренимыми ненавистью и презрением к правительству.

Морально правительство было совершенно изолировано от верхов культурного, свободомыслящего общества. А последнее рассуждало так: пусть это будет кучка, горсточка революционеров—нужды мало! эта кучка уже напугала на-смерть правительство: оно растерялось, коварно ищет поддержки в *общественных* кругах, а это значит—слабость, неуверенность в своих

силах. Полная изоляция, страх и слабость вынудят правительство на уступки,—и не на *словах* только, а на *действительные* уступки. Так учло тогдашнее положение вещей наше общество. Думаю, что передаю это общественное настроение без преувеличений—близко к истине.

Как, спросит читатель, отнеслись рабочие к народо-вольческой борьбе? На рабочих еще больше, чем на молодежь, обрушился непосредственно царский гнет. Предыдущие два года (1877—78) и особенно 1879 г. вначале, как известно, ознаменовались в Петербурге целым рядом стачечных движений. В результате их—свирепая правительственная расправа, в разнообразных ее формах. Масса рабочих всегда ненавидела правительство, а тут уж «чаша с краями полна»: рабочие в *массе* революционировались самим правительством, в процессе *посредственной* с ним борьбы, как с защитником интересов капиталистов,—фабрикантов и заводчиков, с которыми они, рабочие, *непосредственно* боролись.

Передовой же отряд рабочих—«Северно-русский рабочий Союз»—уже сознал необходимость борьбы для достижения политической свободы и ввел то и другое—и политическую борьбу, и требование политической свободы—в свою программу еще *до* народо-вольцев, осенью 1878 г., т.-е. во время еще существования общества «З. и В.». Это—большая заслуга со стороны «Северно-русского рабочего Союза», это характеризует его политическое чутье и ярко пробудившееся уже в нем *классовое* самосознание.

И, конечно, уж а priori можно было предвидеть, что в вопросе о политической борьбе «Союз» целиком будет на стороне «Народной Воли». Оно так и было,—по моим наблюдениям (я был лично знаком с двумя членами этого Союза). Но пока Союз мог еще держаться на своих ногах, пока он не был еще совершенно разгромлен, он оставался независимым. Это недолго продолжалось, наступил момент—и глава этого «Союза», основатель его, Степан Халтурин, решительно примкнул к «Народной Воле». В своем интимном разговоре с Плехановым Халтурин, между прочим, высказался так:—«... смерть Александра II принесет с собою политическую свободу, а при политической свободе рабочее движение у нас пойдет не попрежнему. Тогда у нас

будут не такие союзы, а с рабочими же газетами не нужно будет прятаться» ¹⁾).

Что касается легальной прессы, то, по цензурным условиям того времени, она или совсем замалчивала революционную деятельность как в целом, так и в частности, или говорила о них своим эзоповским языком, нередко недостойным, неискренним, но,—чтобы оправдать ее—вынужденным, страха ради иудейска...

Очень большой интерес представляют взгляды на террористическую борьбу, вообще, и политическую борьбу народо-вольцев—в частности, наших двух самых крупных мыслителей и писателей того времени, «властителей дум» молодого поколения 70-х годов,—Флеровского и Н. К. Михайловского. Оба они, хотя и в разное время, близко стояли к революционному движению передовой молодежи 70-х годов: Флеровский-Бреви—в начале этого движения, накануне революционного паломничества «в народ» и при самом уже возникновении этого паломничества, Михайловский же—в заключительном, драматическом периоде этого движения—*народо-вольческом* или *политическом* периоде. Флеровский примыкал лишь к социально-революционному движению молодого поколения, так как по некоторым особенностям своего философского мировоззрения и некоторым оттенкам во взглядах на пропаганду в народе (Флеровский тогда уже придавал большое значение пропаганде *политических* идей в народе), а равно по индивидуальным особенностям своего характера,—он не укладывался в тесные рамки революционной группировки. Тем не менее, Флеровский-Бреви принимал самое деятельное *непосредственное* участие в работе передовых революционных кружков того времени—*чайковцев* и *долгушинцев*. Для первых он написал «Азбуку социальных наук» и переделал для нового издания свое знаменитое «Положение рабочего класса в России»; для вторых он написал народно-революционную брошюру «Как надо жить по закону природы и правды». Помимо идейных и деловых отношений, Флеровского связывала с молодежью горячая *личная* симпатия (Натансон, М., Кравчинский,

¹⁾ Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». Издательство «Пролетариат», стр. 90. А.

Перовская, Дмоховский и др.). Михайловский же в первую половину 70-х годов—в период пропагандистский—стоял несколько поодаль от революционной молодежи, хотя идейно был на ее стороне. Мало того. И Флеровский и Михайловский, властвуя в то время над умами молодежи, тем не менее, в свою очередь, сами *идейно* подчинились влиянию этой молодежи: они пошли за молодежью, вместо того, чтобы повести молодежь за собою ¹⁾).

К большому сожалению, *вторая* ссылка (*пожизненная* почти) Флеровского на далекий север навсегда вырвала его из революционной среды, оборвала навсегда цепь *непосредственного* контакта его с нею. Но и в ссылке он быстро приобретал связи среди ссыльных, завоевывал их всеобщую симпатию и глубокое уважение, и через них, товарищей по ссылке, он был постоянно в курсе революционного движения и зорко, как философ, следил за всеми последовательными фазами развития революционного движения молодежи. А когда, наконец, в конце 70-х годов, его перевели в Кострому, там опять около него сгруппировалась группа ссыльных—местная молодая интеллигенция.

¹⁾ Прошу читателя прочесть в политическом памфлете Флеровского «Три политические системы» те страницы (начиная с 300 и след.), которые он посвящает пропагандистскому периоду социально-революционного движения 70-х годов. Характеристика этого периода, в целом, отличается не только достаточной полнотой и правдивостью, но почти юношеской восторженностью. Это—не апология, а преклонение пред жертвенностью, «энтузиазмом», богатством энергии, полнотою жизни («...Великое открытие было сделано, путь был найден; одновременно во всех головах загорелась одна и та же мысль: «Внарод! Нечего тут сидеть—в народ!» Аскетические привычки были сделаны, энтузиазм горел, уменье скрываться, готовить фальшивые паспорта и жить под чужим именем доведено до значительного совершенства—чего же более—в народ!»). Отдельные эпизоды движения, настроение его, психология того замечательного момента, все, одним словом, передано живо, красочно, выпукло и с неподдельной любовью *старшего* товарища—друга,—товарища по *идейным* симпатиям и *практике*. Так сильно подействовало на Флеровского, человека уже пожилого в то время, мыслителя, публициста, литератора, пропагандистское движение.

И у Михайловского мы находим страницы, посвященные этому же периоду (1873 г.). Они написаны с такой силой и захватывающей правдой, несомненно внушенные ему социально-революционной пропагандой, что

К нему, к Флеровскому, нередко приезжал («на поклоны») Н. К. Михайловский («поклонами» называл Михайловский свои визиты к Флеровскому). Н. К. Михайловский высоко чтит Флеровского-Бреви и питал к нему самые горячие симпатии. Не мудрено. Ведь в их *социологических* взглядах было много общего: *коллективизм*, как основа социального общежития, непримиримо отрицательное отношение к *дарвинизму*—как к *социологическому* принципу человеческих отношений, как к основе *общественного* бытия. Михайловский мог, с своей стороны, многое пересказать своему другу-философу о том, что делается в революционной среде, какие уже намечаются *новые* течения. В то время уж стал определяться сдвиг в сторону непосредственной борьбы с правительством, в сторону терроризма—в особенности.

А на Флеровского «ход вещей», вкупе с тяжелыми личными переживаниями в перманентной ссылке, уже давно действовал революционирующим образом. Он уже давно (с *первой* еще ссылки в 60-х годах) стал решительно на сторону *революционной* борьбы и изжил совершенно свой былой *мирный* посте-

мы, семидесятники, читали и понимали их, как санкцию наших исканий и достижений, как дорогой завет учителя. Мы поняли,—писал он в одной из критических статей своих о «Бесах» Достоевского в феврале 1873 г.,—мы поняли, что сознание общественной правды и общественных идеалов далось нам только благодаря вековым страданиям народа. Мы не виноваты в этих страданиях, как не виноват яркий и ароматический цветок в том, что он поглощает лучшие соки растения. Но, принимая эту роль цветка из прошедшего, как нечто фатальное, мы не хотим ее в будущем». Далее он аргументирует уже совершенно в духе *социалистически-народнической идеологии* о примате социальных задач над задачами политическими.—«Для общечеловека, для *citogenia*, для человека, вкусившего плодов общечеловеческого древа познания добра и зла, не может быть ничего соблазнительнее свободы политической, свободы слова, устного и печатного, свободы обмена мыслей (политических сходов) и проч. И мы желаем этого, конечно. Но если все связанные с этой свободой права должны только протянуть для нас роль яркого и ароматного цветка,—мы не хотим этих прав и этой свободы. Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности расчитаться с долгами, но еще увеличат их!» Сочинения, II, 305 и 306. Цитировано у А. А. Корнилова. Общественное движение при Александре II (1855—1881), стр. 227. Изд. Журнала «Р. М». 1909 г. Москва. Курсив мой. А.

пленный эволюционизм. Он в существенных чертах—*народник, социалист*, но с некоторыми особенностями в тактике: он еще в начале 70-х годов пропагандирует среди молодежи необходимость распространения в массе и *политических* идей, как средство *политического* воспитания массы, как средство *высвободить массу из-под векового гипноза царизма*. Молодежь, сама собою, тогда его не слушала, не приняла политического элемента в пропаганде. Ну, а теперь она сама, молодежь-то, очнулась, начинает сама высвободяться из-под чар анархизма—отрицания политической борьбы и игнорирования политической свободы.

И Флеровский-Бреви горячо приветствует это новое направление в революционной партии. Оно гармонирует с его взглядами и настроением. Вот что он, между прочим, пишет по этому поводу: «Существует одно несомненное, священное право у всякого народа избрать себе тот образ правления, который он находит для себя более удобным. Но для того, чтобы народ мог сознательно сделать наилучший выбор, он должен иметь понятие о том, какие существуют политические системы и как они действуют; мало этого, он должен быть в состоянии зрело обсудить, какая из этих систем наиболее подходит к его настоящему положению. Вот почему всякое правительство обязано позволять беспрепятственно обсуждать в прессе о более подходящем для народа образе правления»... «Закон, на основании которого неограниченная монархия признает преступлением обсуждение в печати вопроса о более пригодном для страны образе правления, есть сам по себе великое преступление—такое преступление, которое лишает власть законности и превращает ее в царство, основанное не на праве, а на насилии»... «... Они (т.-е. русские императоры. А.) ставили дело так, что народу оставался один путь к введению усовершенствованного конституционного порядка: *повесить императора и изгнать из страны царствующий дом*. Ставить народ в такое положение может только правительство насилия, а *такое царствование оправдывает насилие над самим собою*; император не может пожаловаться, если он от насилия погибнет, *даже и тогда, когда не будет единодушного взрыва*, потому что он народ устрашает и не дает ему свободно и спокойно про-

явиться»¹⁾. Ясно. Философ-юрист, философ-государствовед, не только санкционирует право *народа* судить тирана, но и право *отдельного* лица (или *группы*,—что само собою разумеется) судить монарха-насильника. Цареубийство, таким образом, оправдывается как писаным (государственным), так и «естественным правом». И Флеровский, переходя к террористической деятельности народовольцев, продолжает: «... Когда революционеры проявили всю свою силу и непобедимость, волнение общества во много раз увеличилось сравнительно с тем, какое было произведено хождением в народ. Их средства считали громадными, не сомневались, что под влиянием всеобщего возбуждения в скором времени разразится революция. Конечно, революция встречена была бы деятелями борьбы с большим восторгом: революция произвела бы давно и страстно желанный *социальный* переворот в России. К социальному перевороту стремились не только те люди, которых теперь стали называть террористами, потому что они напугали и терроризировали правительство; желание вызвать социальный переворот было главным источником того энтузиазма, который пробудил *такое большое число людей* итти «в народ»... «... Было также ясно, что социального переворота помимо революции не будет и быть не может; если бы император даже захотел бы его сделать, то он не мог бы его произвести; он встретил бы неодолимое препятствие в тех, кто его окружал.

Другое дело конституция. Конечно, не было примера, чтобы конституция вынуждалась террором, наведенным на государя и государственных людей, но, с другой стороны, не бывало также примера, чтобы на высшие сферы был наведен такой страх, какой наведен теперь. Отчего не попытаться, может быть удастся. Неограниченные государи нигде не уступали требованиям конституции добровольно, всюду такое усовершенствование в управлении сопровождалось кровопролитными и большими стра-

¹⁾ Н. Флеровский. Три политические системы, стр. 482—83—84—85. Лондонское издание 1897 года. Курсив везде мой. А.

Когда собственно были написаны эти строки, т.-е. указать дату—я не могу, но, ведь, это несущественно: оно *обдуманно и пережито* было еще во время террористической борьбы, это—отзвуки на *тогдашние* события, на *тогдашнюю* революционную борьбу.

даниями народных масс. Если бы несколько смелых людей могли сделать это дело, рискуя только собою, чего же лучше; если бы дело было сделано, а народ избавлен от всех страданий, сопряженных с восстанием, их бы стали превозносить, как благодетелей своего отечества.

Мысль эта созрела в головах деятелей и превратилась в решимость. Изумленным взглядам истории представилось зрелище, едва ли не беспримерное. Каких-нибудь двести человек схватились в кровавый бой с императором могущественной империи, в руках которого сосредоточилось столько власти, сколько еще ни у одного государя не бывало... И вдруг, о чудо! Эта ничтожная горсть людей наводила на него страх... кучка людей, неуловимых, как тень, страшная, как привидение, мучительная, как кошмар, не давала ему покоя...»¹⁾

Читатель, надеюсь, не посетует на меня за эту длинную выписку из Флеровского. Ведь она так интересна, так ярко иллюстрирует то настроение, те иллюзии, которые,— правда, ненадолго,— переживали и питали даже большие люди. А Флеровский— несомненно большой человек. «Серьезный наблюдатель, бесстрашный труженик, беспристрастный критик, мощный художник, прежде всего, человек, возмущенный против гнета во всех его видах, нетерпящий всевозможных национальных гимнов и страстно делящий все страдания и все стремления производительного класса».— Вот кто такой Флеровский, по характеристике К. Маркса²⁾.

Выслушаем же теперь другого большого человека, Н. К. Михайловского.

Выше (в выноске на стр. 21) мы привели замечательные слова Н. К. Михайловского относительно политической свободы («... мы не хотим этих прав, этой свободы! Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности рассчитаться с долгами, но еще увеличат их»). Курсив мой. А.). Это было написано в начале 1873 г.

¹⁾ Там же, стр. 363—364. Курсив мой. А.

²⁾ Из письма членам Комитета Русской Секции в Женеве. Письмо написано К. Марксом. 24 марта 1870 г. Лондон.

Взято из сборника «За сто лет» Вл. Бурцева. Изд. 1897 г. Лондон, стр. 89—90. А.

А вот в апреле 1878 г. Н. К. Михайловский, как уже теперь твердо установлено, выступает с подпольным «Листком» чисто конституционного содержания¹⁾. Сдвиг для Н. К. Михайловского знаменательный. Он, очевидно, не боится уж «увеличить долг» народу. А уже осенью 1879 г., когда партия «Народная Воля» выступила уже со своим органом, Н. К. Михайловский занимает в партии такое же аналогичное положение, какое в начале 70-х годов занимал Флеровский в революционных кружках чайковцев и долгушинцев.

Н. К. Михайловский сотрудничает в газете «Народная Воля», вдохновляет народовольцев неуклонно следовать по пути, избранному ими, до известной степени является даже идеологом народовольцев.

Его «Политические письма социалиста» в «Народной Воле» составляли подлинную эпоху в революционной прессе того времени. Они, эти письма, значительно содействовали престижу народовольческой партии и широкому распространению идей политической свободы и необходимости достижения ее путем непосредственной борьбы с правительством.

Я удостоверяю это, как современник, воочию видевший все это и не раз слышавший восторженные отзывы об этих «Поли-

¹⁾ О. В. Аптекман, н. с., стр. 131, где я привожу большую цитату из этого «Листка». Тогда, когда я писал свои воспоминания о «З. и В.», я не знал, что автором этого «Листка» надо считать Михайловского. Кстати. Небольшое объяснение с многоуважаемым Е. Е. Колосовым.

В предисловии к своим «Очеркам мировоззрения Н. К. Михайловского», он, Е. Е. Колосов, недоумевает и удивляется, как это О. В. Аптекман, так близко стоявший к «З. и В.», а, впоследствии, и к группе «Народного Права», не знал, кто написал «Листок». Очень просто. «Листок» появился тогда, когда я жил в деревне.

Я не видел его и ничего об нем не слышал. Весною 1879 г. я был в Петербурге, мне передавали товарищи, между прочим, что в типографии и редакции «Земли и Воли» чуть было не разыгрался скандал из-за какого-то конституционного листка, который набрать отказалась была наборщица Крылова, может быть, речь именно была о «Листке» Н. К. Михайловского, но я не заинтересовался тогда спросить об этом. Кроме того, Е. Е. следовало бы знать, что общество «З. и В.» было организовано на принципе *строгой конспирации и дисциплины*, что то, что делалось в редакции и типографии, оставалось тайной и для *членов* общества, кроме тех, которым это надлежало только знать. А.

тических письмах социалиста». Кто же этот Роланд, наносящий, с закрытым забралом, такие сокрушительные удары царизму? Кто он? Не Драгоманов ли? И проч. и проч. Вообще «Народная Воля» читалась нарасхват, «Политические письма» высоко талантливого безымянного автора имели колоссальный успех, смелый клич автора: «Бейте же по обеим головам хищной птицы! (двуглавого орла. А.) и «Vogue la galere!»—прозвучал боевым аккордом в широких кругах молодой интеллигенции, рабочих и общества.

Я тогда еще упорно стоял в «политике» на точке зрения правоверного народника-землеводца (чернопередельца тож), я стремился тогда всеми зависящими от меня способами бороться против крайнего уклона в сторону чисто политической борьбы. Но, тем не менее, я тогда уже ясно видел, что «Народная Воля» знаменует собою решительную эволюцию в сторону чисто политических идей и их практического осуществления, что эволюция эта, далее, все больше и больше уже захватывает собою большие круги молодой интеллигенции и что, наконец, дальнейшая эволюция в этом направлении становится необходимостью,— что, словом, в скором времени политические идеи займут в революционной мысли такое же равноправное место, как и социальные. Партия «Народная Воля» взяла, так сказать, быка за рога, раз навсегда отказалась от ортодоксально-народнического предубеждения по отношению к политической свободе. И это была, несомненно, ее большая заслуга, и в этом выдающуюся роль сыграли, между прочим, «Политические письма социалиста» Н. К. Михайловского.

Так отнеслись к народофильской борьбе два самых крупных представителя нашей философской и социологической мысли тогдашнего времени, Флеровский-Берви и Н. К. Михайловский.

Ближайшее будущее показало, что их расчеты не оправдались, что их надежды оказались иллюзорными и что мы снова оказались у разбитого корыта... Наши мыслители глубоко ранены, скорбь, сомнения и отчаянье закрадываются в их великие души.

У Флеровского по этому поводу вырывается буквально стон, и он нервно, торопливо, несколько бессвязно набрасывает на страницах своих «Трех политических систем» следующие,

между прочим, знаменательные суждения: «... Удар сильный, весь цивилизованный мир обратил на него напряженное внимание... Но вот движение, вместо того, чтобы разрастаться, стало утихать»... «Если террористическое движение отступило на второй план, то причины были вовсе не внешние, а *внутренние*, они вытекали из самой сути и цели этого движения. Причины эти действовали так сильно, что, напр., Перовская почти добровольно отдалась в руки правительства; *если бы в окружающей ее среде был прежний дух и прежняя энергия, то Перовская вероятно была бы жива и теперь*. Она почти перестала принимать предосторожности, чтобы скрываться. Никак нельзя было сказать, чтобы надежда террористов вынудить у императора конституцию построена была на песке; Александр II действительно с большой готовностью дал бы конституцию, чтобы избавиться от того невыносимого положения, в котором он находился—и все-таки *это обстоятельство не помогало делу: террористы могли терроризировать правительство, могли заставить его искать спасения в конституции, но не могли сменить это правительство и заменить его другим, более способным...*». «... То обстоятельство, что терроризм, наказывая и запугивая бесцеремонную силу, оставил ее в тех же руках, составляет в терроризме такой недостаток, который слишком часто делает для него достижение цели невозможным. Горе обществу, которому для достижения прогресса остается одно—полагаться на терроризм. Мечта избежать при достижении конституции народного волнения и достигнуть цели террором исчезла и оставила после себя одну мрачную перспективу будущего»... «... *Действительная революция может быть добыта только руками трудящегося народа и на счет крови этого народа*»... «... Ужасная, мрачная мысль; да, отказаться помогать народу—выйти из этого состояния—ужасное преступление»¹⁾.

Что же делать? Как же выбраться из этого тупика, в который загнала нашу родину эта слепая «история»? «Отказаться помогать народу—ужасное преступление», но как помочь? Ответ следует ясный, точный и определенный: действовать неуклонно

¹⁾ Там же, стр. 363—364, 366—367, 368, 381, 385, 388—89—90, 393, 395—396. Курсив везде мой. А.

на два фронта. Что это значит? *Пропагандировать неустанно в массе «трудящего рабочего народа» социально-революционные и политические идеи, с одной стороны, и терроризировать правительство сверху—с другой.* Пропаганда социалистических идей в массе не прошла, по глубокому убеждению нашего благородного мыслителя и верного друга народа, бесследно. Но надо к этому обязательно прибавить пропаганду *политических* идей. Флеровский горько жалуется на то, что, начиная с петрашевцев, «... все надежды возлагались на социальную пропаганду; люди движения вовсе не понимали зависимость усовершенствования в социальном быте от политических учреждений; по их мнению, конституция не могла помочь народу. Даже во время терроризма такое господствующее воззрение далеко не было поколеблено»¹⁾. Он доказывает горячо, что в Европе не было времени, когда бы народ не был более или менее знаком с конституционными или даже республиканскими идеями и с политической борьбой; такая борьба всегда там существовала, и если там бывали безотрадные времена, то народ никогда не утрачивал способности вновь воодушевляться идеей подобной борьбы. Но специфические условия русской государственной действительности императивно требуют от социально-революционной партии движения еще борьбы *непосредственной* с правительством путем террора. Такова трехчленная формула борьбы с современным государственным строем в России: *пропаганда социально-революционных идей, пропаганда политических идей—в массе, и террор—по отношению к правительственной организации.*

Флеровский даже идет дальше. Он видит уже, в царствование «Царя-Миротворца», Александра III, симптомы приближающегося народного восстания, грядущей народной революции. Он указывает на целый ряд беспорядков на фабриках и заводах, на все учащающиеся столкновения народных масс с правительственной властью, на еврейские погромы того времени и т. д., и т. д.

Он заключает: «... Очень может быть, что *если бы терроризм вместо того, чтобы ослабить со дня смерти Александра II, стал бы это началом, первым днем, с которого должна была на-*

¹⁾ Там же, стр. 409. Курсив мой. А.

*атся серьезная борьба, то Россия в настоящее время была бы конституционной державой и проложила бы себе путь к мирному и свободному развитию. Но не такова была судьба этого несчастного государства»*¹⁾.

Характерные слова. Они не только дополняют трехчленную формулу Флеровского, но вносят еще свет с другой стороны: террор не только необходим, как *постоянная* форма борьбы, как *систематический террор в подготовительно-революционной работе*, но и *особенно обязателен и целесообразен в момент назревающего уже революционного переворота снизу—как ускоряющий революцию фактор.*

Как действовало крушение народовольческой борьбы на Н. К. Михайловского? К чему он, наконец, пришел после тяжелых испытаний темной реакции Александра III и беспросветного «разброда и шатаний мысли» *общественной* реакции того времени и последующих годов?

В этом отношении большой интерес представляют письма покойного Н. К. Михайловского к Н. С. Русанову. Письма эти интересны в литературно-общественном отношении, вообще, и в революционном в частности. Особенно выдается одно письмо, послание Н. С. Русанову, с *оказией* и датированное июнь 1898 г. Это длинное письмо вскрывает, между прочим, уголок души Н. К. Михайловского, той драматической тяготы, которую Михайловский-Гроньяр переживал так больно и переносил с такой, так сказать, республиканской стойкостью.

Он пишет: «Исход я себе представляю в неопределенном, но не очень далеко будущем двоякий. Или наверху одолеет... (слово не разборчиво) либеральное течение (там есть разные), и тогда от замерзшего общества зависит, как оно будет разогреваться, *или мы вернемся к террору* с неопределенностью его последствий (я не считаю результаты террора 70-х годов *определенными*)». Три года спустя (в 1901 г.) Михайловский, между прочим, пишет: «Дела наши Вы знаете от других, более аккуратных корреспондентов, но, сколько я понимаю, освещаете их слишком оптимистически. Я *предчувствую смутные и мрачные времена и вижу исход только в одном, в чем принять личное*

¹⁾ Там же, стр. 429. Курсив мой. А.

действенное участие не могу, а потому и другим рекомендовать не могу, но что фатально, рано или поздно, должно быть»¹⁾).

Итак, оба наши мыслители и публицисты, милые и дорогие нашему сердцу «учители жизни», пришли в тяжелых своих размышлениях к одному и тому же—к *террору*,—как «фатальному», по выражению Михайловского, методу революционной борьбы. Но у Флеровского терроризация является лишь привходящим элементом в цельную его программу деятельности в народе, а у Михайловского террор является как бы эпизодическим элементом, хотя и «фатальным». Это не значит, что у Н. К. Михайловского не было *своей целостной программы*—нет! она несомненно была, но здесь, в письме «с оказией», очевидно, ему было не до изложения программы. А программа была. *Гроньяр* в своих «Политических письмах социалиста» ворчит на народолюбцев, почему они оставили старый «прекрасный девиз: «Земля и Воля»? Он прибавляет: «Куда бы ни направил в частном случае вашу борьбу практический ход жизни, этот девиз должен быть вашим. Одной половиной его—«Волей»—вы примыкаете ко всем уважающим себя людям, которым ненавистно самовластие; другая половина—«Земля»—выделяет вас из общего либерального хора. Глубокий политический смысл заключается в этой двойственной формуле: воля всем, земля земледельцу. Конституцию сочинить не трудно; ее напишет и Валувев, и Шувалов, и Победоносцев. Но европейская история учит нас, что Бисмарки и Наполеоны, даже Миланы и Ристичи во всякую данную минуту могут разорвать хартию воли, если в сохранении ее не заинтересована миллионная масса народа. Русский народ грудью встанет только за такую волю, которая гарантирует ему землю. Он равнодушно, даже злорадно будет смотреть на самое наглое нарушение конституции, если в основе ее будет лежать циркуляр Макова. Избирая себе девиз «Земля и Воля», вы повинуетесь не только

¹⁾ Н. С. Рusanов. «Политика» Н. К. Михайловского, стр. 137—138. Курсив, так как автор не оговаривает этого, должно быть принадлежит самому Н. К. Михайловскому.

К последнему абзацу имеется примечание Н. С. Русанова такого содержания: «То же, буквально то же самое, и почти в это же время, Михайловский говорил в Перми Е. К. Брешковской: «Теперь должен начаться террор»... «Былое», июль, 1907 г. А.

народным идеалам и голосу высшей справедливости, но и практическим требованиям истинного, непризрачного осуществления самой воли»¹⁾. Чего же больше? *Гроньяр-Михайловский—землеволец-народник, народник-социалист.*

Но характерная черточка. *Второй* член формулы—«Воля»—выдвигается как бы само собою *Гроньяром* на *первый* план. Естественно. Что у кого болит, тот про то больше и кричит. Политическая свобода нужна во что бы то ни стало.

Про то кричит социалист-утопист Флеровский-Бреви, а ему вторит «басом» и социалист-народник (тоже утопист)—Михайловский. О какой же свободе они оба говорят? О *демократической* свободе в западно-европейском радикальном смысле—как она на Западе выработалась в процессе долгой и мучительной борьбы, в которую была вовлечена и масса трудящегося народа за достижение демократических учреждений. И в результате: и Флеровский, и Михайловский, по существу одного социального политического воззрения, пришли в тяжелом процессе пережитого и передуманного—к *террору*. Так террористическое настроение продолжало еще владеть людьми даже такого крупного коллибра, как Флеровский-Бреви и Михайловский. «Пусть арфа сломлена, аккорд (ее) еще рыдает».

II.

Выше мы познакомились с категорическим заявлением редакции «Черного Передела», что она вполне солидарна «со взглядами, выраженными в *передовых статьях* 1—5 №№ «Земли и Воли». Газета же «З. и В.» служила выражением идей, стремлений и тактики общества «З. и В.»,—родоначальника группы «Черного Передела». Нам надо поэтому, хоть в общих чертах, познакомиться с этим Обществом. Как оно возникло? Как известно, революционное движение передовой молодежи 1873—74 г. ознаменовалось массовым движением в народ, «паломничеством» его, по выражению П. Б. Аксельрода, в деревню.

¹⁾ *Гроньяр* (Михайловский). «Политические письма социалиста», стр. 92. Письмо первое. Народная Воля № 2-й, 1 октября 1879. Год первый. Русская истор. Библиотека № 6. Литература партии Народной Воли. Ред. Базилевского. Paris. 1905 г.

Если выразить это движение графически кривой, то получится, начиная с *подготовительно-революционных* 1870—72 г.г., постепенный, едва заметный подъем, с быстрым внезапным скачком вверх до крайней высоты; затем такой же быстрый спуск кривой, но не уровня абсциссы, а с небольшими, так сказать, колеблющимися повышениями и понижениями. Это очень характерно. Массовое движение, быстро поднявшись и так же круто спустившись, не заглохло совсем, а продолжало еще как бы по инерции своей, слабое правда, но все-таки неизменное поступательное шествие. Занимаясь в архиве III отделения, я натолкнулся на массу «дел о пропаганде», веденной исключительно *отдельными* лицами по преимуществу *демократического* происхождения (рабочие—одиночки фабрик и заводов, ремесленники, отставные солдаты, мещане, крестьяне и проч., проч.). Я еще не подвел им окончательного итога, но уже получил около 150—180 лиц разного чина и звания. Все эти дела, в громадном большинстве случаев, окончились «административным порядком» («дальнейшим производством прекращены», по стереотипному выражению хроникера III отделения) и, таким образом, до сведения общества не дошли. Принимая все это во внимание, а также и то, что меньшее число лиц осталось за «пределами недостижимости», можно сказать, не греша против истины, что движение 70-х годов, в *первую* половину его, было действительно почти массовое и не осталось без воздействия на демократические, более восприимчивые элементы населения. Это—факт, заслуживающий внимания. Но ведь не все же исходное интеллигентское движение было разгромлено в конце: осталось еще много разрозненных элементов и некоторое количество более или менее сплоченных ячеек. Эти-то одиночки («дикие», как немцы говорят) и ячейки и собрались в 1876 г., в конце его, и построили в Петербурге общество «Земля и Воля», а на юге, за исключением Ростовско-Харьковского кружка, целиком вошедшего в общество «З. и В.», образовали небольшие *самостоятельные* группы и ячейки в Киеве, Одессе, Херсоне и Николаеве,—все, связанные между собою *федеративно*.

Все эти революционные группы, во всей их совокупности, стали известны под именем «народников-бунтарей». «Народниками» они назывались по своей социалистической доктрине,

«бунтарями»—по тактике своей (по «способам и приемам революционной борьбы», по тогдашней терминологии). Строго говоря, никакой доктрины, как *системы* идей, тогда еще не было, а была лишь *программа*—как ряд теоретических предпосылок, скомбинированных на-спех. Да и эта программа первоначально циркулировала по рукам исключительно в рукописной форме и также пропагандировалась устно разными способами. Я знаю две рукописные программы. Первая написана С. А. Харизоменовым, при самом основании общества «Земля и Воля» (в 1876—77 г.), вторая—Адрианом Михайловым (1877—78 г.). Ниже мы подробнее познакомимся с этой народнической программой, обстоятельно развитой в газете «Земля и Воля», центральном органе Общества. А сейчас отмечу лишь характерные черты *основной*, писаной программы.

Программа эта представляет собою амальгаму различных элементов, что придает ее архитектонике крайне многостильную, но отнюдь не изящную форму. Это—пестрое сочетание элементов *нео-славянофильства* Герцена (идеализация архаических форм народного быта) с элементами научного социализма (критика капиталистического строя, экономический и исторический материализм, контрабандой проведенные самим Бакуниным), да еще плюс своеобразного, так сказать, сожительства (симбиоза) элементов материалистической философии Фейербаха, Чернышевского и Маркса с субъективно-идеалистической философией Лаврова-Михайловского. Но что особенно отличает народническую программу—это ее *анархо-федералистическая основа* (по Бакунину-Прудону): решительное отрицание демократических буржуазных форм государственного устройства, как они вылились на Западе, в процессе завоевания политических свобод. Отсюда—*аполитизм*, легший в основу программы землевольческой и прочих народнических организаций: отрицание политической борьбы, как орудия *экономического* освобождения народа, *экономического* переворота. Политическая свобода должна быть достигнута лишь как, так сказать, *побочный* продукт завоевания ее в процессе *социальной* революции, как результат социального переворота, произведенного *самим* народом,—который и установит согласную с его извечными идеалами и исконными взглядами форму политической орга-

низации. Отсюда—примат «практической» программы: сосредоточение всех, по возможности, наличных революционных сил в деревне, организация в деревне *революционных поселений*—как постоянных и необходимых очагов революционного брожения в народе («пропаганда действием»), конечная цель которого—народное восстание, *социальный* переворот с лозунгом «Земля и Воля»—исконный лозунг всех народных революционеров, «титанов народно-революционной обороны: Болотникова, Булавина, Разина, Пугачева и др.» (Плеханов).

Ничего собственно нового и оригинального ни в «теоретической», ни в «практической» программе нет. Это—наследие еще 60-х годов, революционное выступление интеллигентских ячеек, во главе с Чернышевским, М. И. Михайловым, Шелгуновым—как идеологами *народнически-революционного* движения в 61 г., и общества «Земля и Воля» и организации «Великорусс» в 1862 г. Генетическая связь здесь несомненна, основа—*та* же самая—неотвязная, мучительная мысль о русском мужике, неразрывно связанная с социализмом, постановка во главу угла требований вопроса о Земле и Воле, кардинального вопроса революционного движения 60-х годов. Общество «З. и В.» 70-х годов (*второй* половины) попыталось лишь дать философски-историческое и социологическое обоснование революционному народничеству, опираясь на образовательные элементы того времени, т.-е. 60-х и 70-х годов, по преимуществу. Программа (*идеологическая* ее часть) оставалась неизменной почти во все время существования общества «З. и В.», и если вносились какие-либо изменения и дополнения, то лишь детального свойства, соответственно с новыми данными жизни и практики ¹⁾. Что же касается «практической» программы, то в нее были внесены некоторые существенные изменения, как результат уже некоторого опыта,

¹⁾ Впоследствии, когда революционное движение народничества 70-х годов завершило уж полный цикл своего развития, его идеология, будучи разработанной и обоснованной мирными деятелями, явилась уже в законченном виде, как *система* идей, как народническое течение *философско-исторической мысли*, как *социологическое* построение. Представителями его были: Каблиц-Юзов, В. В., Николай—он, а затем целая плеяда выдающихся, уж позднейших представителей легального народничества, как, напр., В. Семевский, И. Лучицкий, Мякотин, И. Игнатович и проч.,

весною 1879 г., т.-е., когда *Signa maligna* (опасные симптомы) надвигающегося уже развала (не сознанного, однако, еще вполне тогда землевольцами) Общества стали уже обозначаться. Об этом ниже. Как была принята землевольская программа молодежи, *прежде всего?* Ибо программа землевольцев была, само собою, тем боевым орудием, при помощи которого они, землевольцы, стремились пропагандировать свое вполне определившееся направление среди молодежи, приобретать себе сторонников, набирать новых членов, пополнять свои ряды. Что же они успели в этом отношении? Несмотря на то, что пропаганда совпала с благоприятным во всех отношениях моментом как *общественного* настроения, так и настроения в *среде молодой интеллигенции*, а именно зимою 1877—78 г. (постыдный финал бесславной «освободительной войны» за братьев-славян, полное *дипломатическое* поражение нашей официальной «великой державы», крайнее хозяйственное истощение, как последствие этой войны; обозначавшееся уже выпукло оппозиционное настроение в широких кругах *патриотического* (славянофильского) и либерального общества; только что закончившиеся «процесс 50-ти» и «процесс 193-х»; выстрел Засулич 24 января 1878 г., а 6 дней спустя—30 января—вооруженное сопротивление Ковальского с товарищами в Одессе,—все, в общей совокупности породившее накопление и сгущение недовольства, гнева, озлобления и протеста во всех мыслящих слоях общества),—несмотря на все это, я не могу сказать, что успех пропаганды народнических идей был значителен. Во-первых,—и я это подчеркиваю—само народничество революционное, в том именно, так сказать, *сыром* виде, в каком оно тогда предлагалось передовой молодежи, не обладало той захватывающей всецело силою увлечения, чтобы властвовать над умом и сердцем молодежи. Отсутствие объемлющего синтеза в программе, в целом, ее эклектический по суще-

а также представителей периодической печати, как Южаков, Пешехонов, и беллетристов-художников, как Некрасов, Успенский, Златоврацкий и др. Особенно ярким представителем этого направления является В. Семевский (см. «Р. М.» 1881 г. № 2 «Не пора ли написать историю крестьян»). Я уж не говорю о старых писателях-историках—Костомарове, Мордовцеве, Щапове, Сергеевиче и друг., питавших, так сказать, своими исследованиями родоначальников народничества *вообще*. А.

ству характер, несогласованность отдельных ее элементов,— все это, в целом, уже а priori предreshало в известной мере и шансы ее пропаганды на успех. А, во-вторых, при *устной* пропаганде, где все зависит от знаний, умения, таланта и ума пропагандиста, все это особенно дало себя знать. Дело в том, что сами землевольцы, при изложении своей программы, нередко противоречили себе, к величайшему недоумению слушателей. Были землевольцы-анархисты, как им и полагается по программе, но были также народники-якобинцы, были, наконец, такие, в голове которых мирно уживался самый крайний экономический радикализм с самым несносным *политическим* консерватизмом. Одни наивно думали, что народ, предоставленный самому себе, сумеет на другой день революции создать прекрасный из прекраснейших порядков: «создать вольный союз вольных общин». Другие, наоборот, считали это возможным только при помощи сильной диктатуры. Недоумениям, недоразумениям всякого рода, предрассудкам не было конца. Землевольцы признавали этот свой дефект и напрягли все свои усилия, чтобы ускорить организацию солидной редакторской группы и выпустить свой литературный орган, который был бы верным и последовательным выразителем их программы, их направления. А пока что, не сидеть же сложа руки. И пропаганда велась энергично зимою 1877—78 г. Молодежь весьма охотно собиралась слушать землевольцев. Были сходки довольно многочисленные и людные—в 50 и больше человек. Выступали не только землевольцы, но и другие народники,—Каблиц-Юзов, напр. Мало того, сама молодежь уже, молодежь, так сказать, *нового* призыва,—стала выступать публично с рефератами. И с большими знаниями и успехом.

Некоторые из этих рефератов потом, в обработанном уже виде, попадали на страницы радикальных органов того времени (напр., Ковальского (в Одессе) в «Отеч. Записках» и Овсянико-Куликовского позже—в «Слове»). Народничество революционное в итоге было таки принято молодежью. Да и иначе ведь не могло быть: другой *революционной* идеологии тогда не было ¹⁾. Научный

¹⁾ Была еще в то время группка лавристов-марксистов, занимавшаяся пропагандою исключительно среди рабочих. В молодежи не имела сторон-

социализм, западно-европейский *пролетарский* социализм, оказался у нас не ко двору. Молодежь же, в лучшей передовой ее части, жила тогда еще традициями революционной борьбы, не отрешилась еще от народа, готова была работать на благо и счастье его.

Но под каким знаменем? Ну, конечно, «Земля и Воля», «исконным народным» лозунгом, а это значит—принять социалистическое народничество. Среди молодежи тогда, в 1877—78 г., особенно энергично вели пропаганду в Петербурге народники-землевольцы Г. Ю. Преображенский в университете, М. Р. Попов, Л. Буланов, периодически, с перебоями, и Г. В. Плеханов. Работали землевольцы и в других высших учебных заведениях. Какой успех, в итоге, имела эта пропаганда землевольцев? Несмотря на то, что пропаганда народничества, как мы выше отметили уже, совершалась при весьма благоприятных условиях, сторонников народничества в среде молодежи было не особенно много (я говорю о *деятельных* сторонниках, а не просто сочувствовавших только). В каждом высшем учебном заведении были ячейки в 8—10 человек *maximum*.

Главная работа среди студентов и студенток была *агитационная*. И в этой-то именно работе спропагандированные ячейки молодежи были незаменимы, что само собою понятно: в *своей* среде эти ячейки пользовались авторитетом, и агитация, вызванная ли самими землевольцами, или самопроизвольно возникавшая (последнее—*общее* явление), в известной мере достигала *ближайших* целей, но, конечно, не без урона для участников-студентов в этой агитации.

Другая работа, которую успешно вели землевольцы в то время в Петербурге, была агитация среди фабричных и заводских рабочих. В 1878 г. и весной 1879 г. вспыхнуло стачечное

движение, но среди рабочих их пропаганда не была лишена некоторого успеха в смысле выработки и подготовки у нас элементов возможного, как они думали *социал-демократизма* (из их школы вышел Халтурин, между прочим; я еще других 2—3-х знал). Была еще в Петерб. ячейка из бывших учениц Заичневского, «централистки» по прозванию, т.-е. сторонницы *Ткачевского* направления. В 1877—78 г.г. влияние этой ячейки было незаметно еще. Во главе их стояла М. Н. Ошанина, будущая яркая *народоволка*, а тогда—закадычная приятельница многих землевольцев. А.

движение среди рабочих. Этим движением умело воспользовались землевольцы (Плеханов, А. Д. Михайлов), приобщив к этой агитации и свои народнические интеллигентские ячейки, в качестве деятельных помощников. И в этой агитационной работе интеллигентские ячейки оказали несомненно большую услугу.

Вот и все, что дала учащаяся молодежь землевольцам. Большого от нее добиться нельзя было, давала, очевидно, то, что могла тогда дать—не больше, не меньше. Почему? Этот вопрос уже тогда тревожил землевольцев? Да и понятно. Ведь, молодежь—наш резервный, так сказать, неприкосновенный фонд: мы не можем его зря тратить, но мы рассчитываем воспользоваться им при настоятельной необходимости. А такая необходимость сейчас на очереди: надо мобилизовать свежие молодые силы в деревню в помощь «старой гвардии», которая уже работает в деревне, надо, одним словом, пополнять свои ряды, собирать *армию*.

В деревне сейчас только *авангард*, значение и сила которого зависит от того, придет ли к нему возвещаемая авангардом армия. Но где эта армия? Нет ее. Молодежь на настойчивый зов землевольцев не откликается. Что же случилось? Чурается что ли молодежь народа, отрешилась от него? О, нет! Молодежь попрежнему любит народ—по «разуму ее сердца» прежде всего (по французской поговорке: *Le coeur a sa raison qu'il n'y a pas dans la raison*—«сердце имеет свой разум, которого нет в разуме»). И в разговорах с нею она, молодежь, искренно выражает свое горячее сочувствие как народу, так и народничеству, зовущему ее в народ. Она не только сочувствует, но и понимает, что главная, единственная, вернее, опора в революционной работе—народ, что без него, как без бога—не до порога, что народничество, которое ей предлагают,—идеология *своевременная*, выражающая действительные интересы, потребности, исконные, словом, идеалы самого народа.

Молодежь, словом, и сочувствует землевольцам, и понимает их...но в деревню за землевольцами не следует пока,—не отказывается, а *выжидает* чего-то, вдумывается во что-то, ощупывает еще что-то...Что это значит? *Нет цельного, захватывающего настроения, нет пафоса борьбы и жертвенности.*

Для молодежи 1873—74 г. социализм был «благой вестью», и пришел социализм, когда завершилась уже предварительная мучительная работа самоутверждения личности, когда вопрос: что делать, как жить, стал вопросом «быть или не быть». И пионер *первого*, так сказать, революционного призыва, охваченный *одной* властной думой, *одним* порывом, пошел в народ—как на заклятие. Он не знал народа, он любил народ и веровал в народ,—горячей любовью, крепкой верой. И этого было довольно, чтобы стать *паломником*. Паломничество промелькнуло метеором и мгновенно погасло, отметив лишь путь свой «избиением детей»...

Этот тяжелый урок не прошел даром для теперешней молодежи, находящейся еще на призыве. Этот урок твердит немолчно только одно: «Надо раскрыть глаза, а не вырывать их, чтобы и они могли увидеть, если захотят» (Герцен). И глаза теперешней молодежи «захотели видеть», и увидели они, что им предлагают и куда их зовут. Предлагают ей, молодежи, *важное*, может быть, и *неотложное*, но не дают того, «чем жив бывает человек»—цельного мирозерцания, объемлющего синтеза, вносящего гармонию в мысль и волю, слово и дело. А дело, на которое ее зовет народничество,—большое, запутанное, противоречивое, «во всех, самых мельчайших явлениях жизни идет переборка, трудная и упорная, старого на что-то новое»... (Гл. Ив. Успенский). Про это ей говорят литература, доступные ее кругу знаний исследователи народной жизни и сами же землевольцы. В деревне,—говорят добросовестные землевольцы,—«с человеком—тихо!» (Гл. Успенский), деревня не то охвачена дремой, резиньяцией, не то, наоборот, мужик встревожен, недоверчив, сумрачен, озлоблен. Хмуро смотрит он, опустив глаза, низко клонит он голову, стиснув зубы, словно от тяжелой телесной или душевной раны. Он ранен, тяжело ранен, говорят землевольцы...Загадочно молчит он, но сдается, что вот-вот он готов «сосчитать свои ряды»... и подняться, как «один человек—всем миром»... А другие уныло-задумчиво, [грустно-скептически прибавляют: недавно еще однородная крестьянская среда расслаивается, дифференцируется сколоченный когда-то крепко крепостнически-крестьянский уклад жизни расшатывается и дает трещины, нарождаются новые потребности и вожеления—стяжательские, собственнические;

они, как зараза, захватывают целые слои населения и отдельные элементы его, нет, словом, скрепы, единения, спайки в «мире»: кто—в лес, кто—по дрова... Так делятся своими наблюдениями и переживаниями в деревне сами землевольцы. Куда же идти? С одной стороны, в деревне—тьма-темь нудных, кошмарных, по их тяжести, пустяков, притупляющих мысли, чувства и волю мужиков, а с другой—накапливается, зреет что-то огромное, большое, решительное... Как же тут разобраться? Скоро ли все это разрешится? Долго ли еще продлятся муки родов нового общества? Одни смело говорят: «как тать в нощи», придет оно, а с ним и революционное освобождение народа, с ним счастье народа, счастье всех. А другие со скорбью и стоном сознаются: спит море народное, не шелохнется, только тяжело дышит... Появится порою чуть-чуть рябь на его поверхности, пронесутся, бог весть откуда, чайки-буревестники, с визгом оглашая воздух... Ждешь—вот буря разразится, забушует море, вздымая массивы черных волн, вот-вот с бешеным ревом налетит девятый вал и разнесет в щепки все... Но чайки улетели куда-то вдаль, замирает где-то далеко их крик... То были не чайки-буревестники... И опять «тишь и гладь», спит море и тяжело дышит... И молодежь, слушая эти речи, думает про себя свою думу: *The time is out of joing!* (Порвалась связь времен! Шекспир. «Гамлет»). В деревню ее не тянет. Там надо долго, упорно работать, там надо уметь *жить*, отвоевывая каждый шаг жизни неустанной борьбой, невероятной тратой сил и энергии, в обстановке серой, неприглядной обыденщины, мещанской ограниченности, культурной обездоленности, деревенской грубости и суровости. Жди у моря погоды. Но не идет молодежь и тогда, когда ей предлагают в деревне живое, неотложное дело. Напр., на Дону вспыхивают в 1878 г. беспорядки. Плеханов буквально разрывается на куски, сорганизовался уже сравнительно большой кружок в пятьдесят приблизительно человек из местной казачьей интеллигенции. Нужен организатор, который повел бы дело в большом масштабе. Вызывается А. Д. Михайлов. Он летит буквально, чтобы не утратить такого редкого случая. Плеханов, между тем, спешит в Петербург, чтобы отпечатать воззвание к казакам. В Петербурге Плеханов обращается к молодежи, зовет ее к казакам. Молодежь с интересом слушает его, но... не

едет туда. Из Харькова выехали несколько молодых людей, но пробыли у казаков очень недолго. Почему? Не знаю. А работа там, у казаков, была именно такая, что давала право надеяться на активную помощь молодежи.

Так прошли без всякого воздействия со стороны землевольцев не только казацкое брожение на Дону, но и уральские и другие, возникшие в то время народные волнения. Так и пришлось землевольцам махнуть рукой на молодежь, как на возможных своих союзников в деревне.

А в *городе*, повторяю, молодежь, хотя и в небольшом количестве, охотно шла на агитационную работу по зову землевольцев.

Таковы результаты пропаганды народнических идей землевольцами среди интеллигенции. Это было с самого начала дурное предзнаменование. Обратимся теперь опять к землевольческой программе. Как она была изложена и развита в газете «Земля и Воля»?

Всех статей *пять*,— № 5-й был уж *последним*: раскол в обществе «Земля и Воля» прекратил и дальнейшее издание газеты «З. и В.». Статья Кравчинского в № 1 «Земли и Воли» очень любопытна во многих отношениях. «Революция—дело *народных масс*. *Подготавливает ее история*. Революционеры ничего направить не в силах. *Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений*. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ, во имя его требований и стремлений и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам истории, совершается в данный период. Вне этой роли они—ничто; в пределах ее, они—один из могущественных факторов истории. Поэтому основанием всякой истинно-революционной программы должны быть *народные идеалы*, как их создала история в данное время и в данной местности. Во все времена, где бы и в каких размерах ни поднимался русский народ, он требовал земли и воли. Земли—как общего достояния тех, кто на ней работает, и воли—как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами. И далее... «отнятие земель у помещиков и бояр; изгна-

ние, а иногда и поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казачьих кругов», т.-е. вольных автономных общин с выборными ответственными исполнителями народной воли—такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников».

По поводу дезорганизаторской деятельности (впоследствии получившей название террористической), С. Кравчинский замечает: «...Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбой против *основ* существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против *класса* может восстать *только* класс; *разрушить систему может только народ*. Поэтому *славная масса наших сил должна работать в среде народа*. Террористы это не более как *охранительный* отряд, назначение которого *оберегать* этих работников от предательских ударов врагов. *Обратить наши силы на борьбу с правительственной властью значило бы оставить свою прямую постоянную цель, чтобы погнаться за случайными, временными*». Прозорливый, благородный Кравчинский уже чувствует если не беду, то что-то большое и серьезное, надвигающееся на общество «З. и В.» и все народнические социалистические организации, и он пророчески предостерегает товарищей от слишком сильного увлечения террористической борьбой. Он говорит: «...Не ободрять, не звать их (т.-е. товарищей и друзей. А.) на продолжение начатой борьбы намерены мы: мы очень хорошо знаем, насколько излишни для них ободрения и призывы. Мы, напротив того, *хотим предостеречь их от слишком сильного увлечения этого рода борьбою, так как есть признаки, показывающие возможность такого рода увлечения*»¹⁾.

Этот сторожевой клич, это «*caveant consules*» раздалось 25 октября 1878 г. впервые громкогласно на страницах землевольческой газеты со стороны члена общества «З. и В.» С. Кравчинского, покаравшего пред этим только, 4 августа того же года, одного из самых грязных, цинично-подлых слуг Александра II, Мезенцева. Он, благородно мыслящий, он, умный, сумел во-время спохватиться,—преодолея свой боевой темпе-

¹⁾ Курсив мой везде. А.

рамент, свои бурные порывы борьбы, свой «святой гнев», чтобы подчинить их велениям *высших конечных* целей общества «З. и В.», организации в народе революционных сил для приготовления народного социального переворота. *Непосредственная борьба с правительством* это—погоня за «случайным и временным», когда впереди маячит «постоянное» и заветное.

Сильными штрихами, красочными ударами резца выражена сущность землевольческой программы: «исконные народные идеалы»—«Земля и Воля» в основе ее, как исторический лозунг самого народа, как извечное его справедливое требование, как не умирающее его устремление, вне которого, по удачному выражению Михайловского-Гроньяра, «интеллигенция осуждена на роль вечного политического недоноска»¹⁾.

Кравчинский обосновывает свою программу сжатой историко-философской концепцией: историческим процессом *развития*—«объективным ходом вещей», как имманентной предпосылкой *всякой* народной революции, *всякого* социального переворота. Роль и значение личности в этом процессе очерчены сжато и сильно: она—лишь выразительница «народных стремлений», *ускоряющий* фактор в процессе революции. «Революция же—«дело народных масс». Классовое расчленение, классовая борьба выдвинуты отчетливо и выпукло.

Мы пока оставим дальнейшее развитие программы Кравчинского, некоторые не менее примечательные и характерные для него суждения и соображения, и обратимся к № 2 «Земли и Воли» от 15 декабря 1878 г., передовая статья которого написана, если я не ошибаюсь, Д. А. Клеменцом, этим землевольцем с научным складом ума. Статья эта посвящена исключительно четырем знаменитым цареубийцам—Геделю, Нобилингу, Монтектен и Пассаменте. Автор поставил себе задачей выяснить действительный смысл этих крупных в то время событий, этого настойчивого повторения покушений на жизнь представителей монархического принципа на протяжении одного 1878 г. Попутно автор проводит параллель между вышеназванными покушениями и русскими террористическими действиями текущего 1878 г.

¹⁾ «Народная Воля» № 3. 1 января 1880 г. Политические письма социалиста. Письмо второе. Стр. 175. «Русская Историческая Библиотека», № 6. 1905 г. Paris.

Вот что он по этому поводу говорит: «Ответственность за смертную казнь преступников в России открыто и явно брала на себя русская социально-революционная партия. Она не только официально признавала совершившиеся факты, заявляла заранее о своих приговорах и давала предостережения, но и объясняла всегда мотивы своих приговоров пред публикой. Из этих объяснений очевидно, что тяжелая карающая рука русского революционера подымается всегда на *защиту* интересов своей партии, и только на их *защиту*»...

«... С идеями они борются идеями же. Тактика их—просто тактика воюющей стороны: *бьем тех, кто нас бьет, кто нам опасен, и потому, что он нам опасен*»...И далее: «...Русские революционеры ясно высказывали, что к *смертной казни они прибегают лишь для спасения жизни и свободы своих собратьев, для избавления их от чрезмерных страданий, и когда требует этого спасение чести партии*»¹⁾. Эта выписка из статьи № 2 «З. и В.» в связи с вышеприведенными суждениями Кравчинского в № 1, по поводу того же террора, ясно характеризует тактическую линию поведения землевольцев того времени, понимание ими роли и значения террористической борьбы, вернее, *des'организаторской* деятельности общества «З. и В.» (*des'организация* была одна из существенных форм борьбы, установленной обществом еще при его основании в 1876—77 г.). Значит, по истолкованию и Кравчинского, и Клеменца, террор—не *политическая* форма борьбы партии, а лишь *оборонительно-боевая: «оборона жизни и свободы и спасение чести партии»*—священное, неотъемлемое право, *био-социологическое* и *этическое, общепризнанное, общезначимое*, относительно которого не может быть разногласий.

Землевольческая программа санкционирует это право, оправдывает вытекающую из признания этого права линию поведения, но не больше и не дальше этого, иначе это уж противоречило бы основному положению ее, т.-е. программы: «*с борьбою против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего*».

¹⁾ Курсив везде мой. А.

В руководящих статьях №№ 3 и 4 «Земли и Воли»—«Закон экономического развития общества и задачи социализма в России»—автор их, Плеханов, последовательно и стройно развивает программу социалистов-*народников*, кладя в основу этой программы критику капиталистического строя на Западе и предпосылку закона естественно-исторического развития обществ—смены одной формы общественно-экономической формации другой.

Опираясь на критику научным социализмом капиталистического строя на Западе, на вытекающую из этой критики дальнейшую, с необходимостью естественно-исторического закона, эволюцию капиталистического общества, черпая, дальше, основания из истории развития русского хозяйственного уклада жизни—из истории постепенного устройства и складывания нашего *аграрного* порядка, приобщая, наконец, к этому некоторые предпосылки русской философии, истории и данные статистического характера,—Плеханов все это кладет в основу построения социалистического народничества, в основу народнически-социалистической программы вообще и землевольческой—в частности.

Это лучшее, что было написано в подпольной (революционной) народнической литературе о революционном народничестве. И если эти статьи Плеханова нельзя еще назвать *идеологией* или *доктриной* народничества, так как в них не все приведено в стройную *систему*, в некоторый *синтез*, претворяющий отдельные элементы этой системы в некое *единое, гармоническое* целое,—если *это* отсутствует еще в названных статьях нашего автора, то *программу* народническую, очерченную так умно, глубоко и своеобразно, можно без преувеличения считать образцовой и вполне законченной в существенных ее чертах. Эта программа отчетливее, чем программа Кравчинского, иллюстрирует выше данную нами характеристику народничества, как сочетание основ-начал научного социализма с элементами нео-славянофильства.

В № 3 Плеханов пытается решить старый грозный, еще поставленный Герценом вопрос: «Должна ли Россия пройти все фазы европейского развития?», т.-е. должна ли Россия пройти через «школу» капитализма? Опираясь на авторитет Маркса

и на анализ происхождения капиталистического строя на Западе, наш автор дает на это совершенно отрицательный ответ. Плеханов доказывает, что «история вовсе не есть однообразный механический процесс», что «капитализм был необходимым предшественником социализма на Западе, где поземельная община разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом; что у нас, где «эта община составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле», — торжество социализма может быть завоевано совершенно другим путем; *коллективное владение землею может послужить исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах*». — «... Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса»... «... Сам принцип общественного землевладения не носит в себе того *неизгладимого противоречия*, каким страдает, положим, индивидуализм, *потому он не носит в себе самом элементов своей гибели*. Поэтому *социалистическую агитацию в России мы не можем считать преждевременной*. *Напротив, мы думаем, что теперь она своевременнее, чем когда-либо, только ее исходные точки и практические задачи не те, что на Западе*». «... Задачи социально-революционной партии не могут быть тождественны в двух обществах, экономическая история, формы общественных отношений которых представляют резкую разницу. Если мы не хотим вернуться к метафизическому социализму 30-х годов, мы должны признать, что *максимум необходимых и возможных социальных реформ определяется формой землевладения и техникой земледелия*, если речь идет о стране земледельческой; *формами и техникой промышленности*, если говорим о стране, в которой преобладает обрабатывающая и добывающая промышленность». — (Курсив везде мой. А.)

Мы можем теперь остановиться. В этих прекрасных строках точно передается сущность социалистического народничества, содержание *теоретической* части народнической программы, и готовы уже предпосылки — *практической* ее части (тактики). И еще. В этих суждениях элементы научного социализма и «диа-

лектическое мышление» дают уже себя сильно чувствовать. Автор — не «метафизик» (понимай: «*утопист*»), составляющий план желательного устройства будущего общества в предположении, что люди могут по собственному желанию ввести в употребление какую им угодно форму сочетания труда, лишь бы она казалась им выгодною и разумною. Нет! Плеханов становится на точку зрения Маркса, рассматривающего смену общественных формаций одних другими — как *естественно-исторический закон развития обществ*: «когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития ни отменить их при помощи декрета; но оно может облегчить и сократить мучения родов» (Маркс). — Отсюда для Плеханова и значение *личной* инициативы и значение пропаганды — не как «*метафизической сущности*» — нет, не «*мнение*», не «*идея*» — исключительные двигатели и творцы социальных переворотов, а коренится все это в объективном ходе развития данного общества. Личность же — лишь субъективный выразитель объективно совершающихся в обществе изменений. Здесь уж явственно слышатся отголоски *исторического* материализма: бытие определяет собою сознание, общественное бытие — общественное сознание.

Это очень любопытно и подтверждает ту характеристику народничества, которую мы выше дали. Так же смотрит, как мы видели, на революционные перевороты, стало быть, на самые крупные и коренные общественные перемены и С. Кравчинский.

Два крупных, талантливых и красочных представителя народничества (землевольчества) излагают на страницах своего органа основные начала своей доктрины — как руководящие положения своей теоретической, а равно и практической программы. Приступ их не одинаков, аргументация различна, идут они разными путями, а приходят к одному и тому же разнообразному симбиозу — к народничеству. Любопытна эта параллель между этими двумя землевольческими редакторами, любопытна особенно в частности. Так, напр., один из них — Кравчинский — горячо советует, что «пришло-де время сбросить и с социализма немецкое платье и тоже одеть в народную сер-

мяггу»¹⁾. Другой—Плеханов—отнюдь не против того, чтобы одеться в народную сермягу, но он проникновенно разворачивает свою проблему во всю глубину ее *сущности* и во всю широту ее *содержания*. Он прозорлив и не находит возможным выплеснуть с водою из ванны и ребенка; он одевается в сермягу, но оставляет гениального *немецкого* закройщика, чтобы с помощью его экспертизы определить годность «народной сермяги»—подлинная ли это, добротная, самодельная сермяга, а не тришкин кафтан или костюм арлекина. А оба они—*анархисты*: и Кравчинский, и Плеханов. И дальше. Вслед за словами своими, приглашающими «сбросить и с социализма немецкое платье» и т. д., Кравчинский говорит: «В настоящее время мы имеем уже один факт первостепенной важности, знаменующий собою этот переход социалистов на *почву чисто народную*. Стефанович с друзьями в чигиринской глуши создает первую в нашей революционной истории народную организацию, *безусловно революционную и народно-социалистическую* (?! Курсив мой. А.), которая в несколько месяцев охватывает собою до полутора тысяч крестьян. *Революционеры-социалисты здесь становятся впервые действительными, признанными вождями народных масс* (курсив мой. А.). Было бы крайней близорукостью и даже *нарушением основного принципа народнической программы* рекомендовать способ действия Стефановича для *всех местностей и народностей русской земли*. Каждая местность и каждая народность имеет свою

¹⁾ Он говорит: «... Бросим ту иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее тою, которая ему свойственна, близка и родственна,—пойдет он и за нами. Пять лет тому назад мы бросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало—*пришло время сбросить и с социализма его немецкое платье* и тоже одеть в народную сермягу». «Немецкое» платье—это «научный социализм» Маркса, «народная сермяга»—наше «народничество». Какие неподдельные тоны *славянофильства*. «Немецкое платье», видите ли, не к лицу нам, русским, а *романское* (анархизм Бакунина-Прудона) под стать! *Бакунинская*, к слову сказать, антипатия к германской культуре, выражаясь мягко, а не *расе*, как это в самом деле,—сказывается здесь! И это проповедует Кравчинский, человек высоко развитый, культурный, красота и гордость социалистического народничества, внесший в это народничество золотые крупинки *немецкого* социализма!.. Курсив мой. А.

индивидуальную физиономию, и сообразно с ней должны изменяться способы действия в каждой из них.

Можно не соглашаться с теми приемами, к которым, *под давлением местных условий и крестьянского миросозерцания*, прибегли в чигиринском деле социалисты. Но не в них, в *частных* приемах, *которые будут разнообразиться до бесконечности*, сообразно с местными условиями, заключается громадное значение подобных попыток, а в том, что они впервые показывают нам возможность вызвать на свет мощную чисто-мужичью революционную организацию, *исходя из местных крестьянских интересов* (но не «миросозерцания», как выше было им же, Кравчинским, формулировано? Курсив везде мой. А.).

Кравчинский обещает в одном из ближайших номеров газеты поговорить подробнее об этой части нашей программы, а также и о чигиринском деле со всеми его «достоинствами и несовершенствами» и заключает: «делу этому, подобно делу Засулич, суждено *быть одним из поворотных пунктов* в истории русской революции. Как дело Засулич разом изменило характер нашей борьбы с правительством, так и это дело изменит характер нашей деятельности в среде народа». Далее следует:— «... Оставьте катехизис и учебники! Погрузитесь в великое море народа, раскройте ваши очи, разверзайте уши!... «... не легко отличить действительно жизненное стремление массы от уродливых, болезненных продуктов ее ненормальных условий... Но разве трудности пугают бойца? Разве не в них черпает он новые силы для их преодоления? Идите! Веруйте в свой народ, веруйте и в себя! И вы будете сильны в бою, тверды в невзгоде!» И последний аккорд: «Мы твердо веруем в то, что русская народно-революционная партия сумеет пойти по этому новому пути, сумеет избежать всех его опасностей, создаст народную силу—грозную, могучую, непобедимую. Мы верим в будущность Русской Народной Революции!»¹⁾

Так писал один из редакторов «З. и В.» в конце 1878 г.

Мы видели, как излагал основы народничества—«теоретическую программу»—Плеханов. Параллель между этими двумя землевольцами, повторяю, невольно навязывается сама собою.

¹⁾ Курсив везде мой. А.

Нам поэтому остается еще дополнить программу Плеханова кое-какими подробностями, чтобы ярче оттенить эту параллель, эти *особенности* взглядов на один и тот же предмет двух товарищей той же организации, двух ответственных пред партией редакторов того же органа.

Какова практическая программа Плеханова? Что он насчет этого говорит? Как он аргументирует необходимость создания «народной партии» в массе? Это очень важно, ибо говорить *одно* и *то* же не всегда значит говорить *то* же самое.

Прежде всего бросается в глаза резкое различие стилей, особенно в изложении «практической программы» (тактики), обоих редакторов,—а стиль, говорят французы, это—человек.

Кравчинский говорит «жирным», по классическому выражению, стилем, его красноречие, в общем «жирное», есть и элементы декламаторства (хотя у Кравчинского это выходит, помимо его воли, почти бессознательно): его речь пышет жаром и огнем.

Это—речь баррикадного трибуна, народного «героя»: пафос глубокой веры в свое дело и жест несокрушимого, страстного, но умеющего владеть собою бойца и, наконец, «святой гнев», жгущий огнем слова и разящий холодной сталью кинжала врага своего. Темперамент боевой, он весь в своих жестах.

Но речь его не всегда плавная, последовательная, аргументация увертливая, порою слишком эластическая. Кравчинский—не мыслитель, не философ. Совершенную противоположность представляет собою Плеханов. Он—глубже, сосредоточеннее по своей психической индивидуальности человек. По познавательным своим наклонностям, он—исследователь, ученый, философ. Мысль его, за исключением тех случаев, когда он поддается своему полемическому жару (черта *идейного* борца),—течет плавно, без зигзагов, без компромиссов, холодная и блестящая, как сталь, но, как сталь, беспощадно разящая. Мысль его не запутывается в сетях *конкретных*, мелочных, противоречивых фактов, а выбирает она мастерски все *типичное, существенное, субстанциональное*, употребляя выражение Аристотеля. И вот почему, как это и показало будущее, Плеханов стал не только лидером русской социал-демократической партии, но и ее идеологом. Вот почему он вскоре развернулся не только как мыслитель-марксист, но и как мыслитель в широком *общественно-*

философском масштабе: как один из наших больших писателей, который, рядом с Радищевым, Белинским и Чернышевским, занял выдающееся место в истории нашего *общественного* самосознания. Но Плеханов не только мыслитель: по темпераменту—он также воин: он—трибун и публицист. И он порывается на баррикаду, но его «баррикада»—трибуна оратора и борца в западно-европейском смысле. Юношей он с красным знаменем вышел на площадь, но возмужалый он этого не делал и не мог делать. Я помню, как в Генуе, в 1907 г., происходила многочисленная демонстрация в память годовщины казни Джиордано Бруно. Плеханов был и на улице, и на площадях, и на кладбище, где у памятника Джиордано Бруно произносились горячие речи. Но Плеханов активного участия не принимал, не ходил он с красным знаменем, как, напр., некоторые соотечественники наши, не выступал с речами. Сосредоточенно-холодно глядели его глаза, мысль его витала и далеко и вглубь, но слово не сорвалось с его сжатых губ: не охотник он, вообще, до жестов, до фразы...

Но он выступал и выступает (напр., при постановке памятника Герцену в Ницце) и каждый раз выступает он, когда этого требуют, напр., жгучие моменты теории и практики социал-демократизма,—где бы то ни было,—или, когда это касается важного события *общеевропейского* и *русского* характера,—*мирового* какого-либо события,—повелительно требующего его мысли, освещения, истолкования и соответственной тактики—*политики*, в философском смысле слова. Можно и должно даже во многом не согласиться с ним, но он *такой*, каким я его написал.

И уже в №№ 3 и 4 «Земли и Воли», в своих передовых статьях, Плеханов уж, можно сказать, вполне определился, как писательская индивидуальность, вообще, и как трибун-публицист—в частности.

Заключительные слова первой статьи примечательны, и пусть читатель простит мне за большую выписку из нее. Вот, что он говорит:

— «... Желательные социалистам формы общественных отношений—*коллективное владение землею и орудиями труда*—еще не имеют практического приложения на Западе.

В формах капиталистической продукции существует только намек на них. Поэтому задачи социально-революционной партии заключаются в обобщении этих элементов общественного обновления, возведения их в стройную систему и в пропаганде в массах.

Способ капиталистической продукции таков, что пропаганда коллективного труда имеет столько же прецедентов в технике производства, как и пропаганда коллективизма владения; даже более: восприимчивость масс к этой последней идее развивалась именно из факта коллективного труда и только из него.

В нашем отечестве дело обстоит не так. Россия—страна, в которой земледельческое население составляет громадное большинство. Промышленных рабочих в ней едва ли можно насчитать даже один миллион, да и из этого сравнительно ничтожного числа большинство земледельцы по симпатиям и положению. Преобладающая форма землевладения в России не только не нуждается в пропаганде (как на Западе. А.), но составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле, она составляет для крестьянина завет всей его истории. Коллективный труд не только не служит у нас прецедентом коллективного владения, но, напротив, он сам может развиваться только из этого последнего (Курсив везде мой. А.). Гнезис этих главных черт социалистической продукции, как видит читатель, будет у нас обратный (Курсив мой. А.). Мы говорим «будет», потому что теперь, по нашему мнению, не настало еще время пропаганды коллективного труда. А не настало оно потому, что при том первобытном способе земледелия, какой практикуется нашим крестьянином, коллективный труд немного изменил бы условия успешности труда (теперь говорят «производительность труда»). Там же, где успешность труда находится в большей зависимости от дружного, артельного ведения дела—во всевозможных промыслах—такая пропаганда может и должна иметь успех. Но там мы и без того видим всестороннее проведение артельного принципа в отношении и русского рабочего люда; если наши промышленные артели и клонятся к упадку, то главная причина этого заключается во вредном влиянии кулаков, существование которых так же необходимо в нынешнем государстве, как существование паразитов на теле нечистоплотного

человека. Значит, главные усилия и здесь должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства. А оно может быть окончательным разрушением государства и предоставлением нашему крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле» только. (Курсив мой. А.)

Короче сказать, одно из требований западно-европейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт; другое, коллективизм труда, не имеет под собою почвы в технике русского земледелия (Курсив мой. А.).—Таким образом, мы *a priori* пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие.

Мы пришли к «Земле и Воле».

Но тем самым центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем». В заключение Плеханов кстати устраняет одно возможное возражение его программе. Скажут, что «трудно строить практическую программу на основании земельных отношений, которые не сегодня-завтра могут быть разрушены правительственными распоряжениями. Известно, что правительство начинает высказывать большую склонность к введению участкового землевладения; а когда оно будет введено, русский народ станет на след того закона, по которому только капитализм может ее привести к социалистической общине.—Это не совсем так. Введение той или другой формы кооперации важно по тому влиянию, которое оказывает она на изменение народных привычек. Что коренного изменения народного характера нельзя ожидать тотчас же за падением общины—эту вполне понятную *a priori* мысль доказывают некоторые факты из жизни малороссов. Влияние чуждой им польской культуры разрушило их поземельную общину уже несколько веков тому назад.

Между тем, наделавшее столько шума «чигиринское дело» началось именно из-за стремления крестьян ввести у себя общинное землевладение. Таких фактов, конечно, не много, но они доказывают, что коренного изменения не произошло и там.

А покуда «настроение» народных масс останется таким же, как теперь, наша программа не нуждается в изменении» (Курсив мой. А.)

Мы познакомились с основными началами теоретической и практической программы землевольцев, она же и программа всех социалистических народнических групп как на севере, так и на юге, повсеместно для всей России. Орган «Земля и Воля» в этом отношении оказал огромную услугу всем без исключения народникам. До этого никакой *печатной* программы, которая сделалась бы достоянием революционной молодежи, не было.

Печатная программа, наконец, появилась в свет. И что же? Потребность в выдержанной, стройной во всех ее частях программы была ли, с выходом «Земли и Воли», достигнута?

Мы познакомились с руководящими статьями двух самых крупных членов общества «З. и В.» и редакторами его органа. Что же—одно и то же говорят они? И да, и нет! Оба они—*анархисты*, оба одинаково пришли к Земле и Воле, т.-е. оба они—*социалисты народники*: «исконные идеалы» народа занимают у них обоих центральное место в их *теоретической* части программы. «*Теоретическая* программа», стало быть, в основных ее положениях, та же самая, и развита она у обоих отчетливо и выразительно. Но, переходя к *практическим* вопросам, к *практической* программе, они говорят то же самое, «но немножко иными словами», а за этим скрывается и *иное* содержание, *иной* смысл,—*тактический*. И это уже сказалось,—правда, не отчетливо и неопределенно,—но все-таки сказалось уже в № 1 (первом) «Земли и Воли», в передовой статье С. Кравчинского.

К чему, в самом деле, обязывает партию ее программа? Партия, в целом, и в лице ее представителей—в частности, должна мыслить и действовать согласно основным началам своей программы, исходя из философских предпосылок своей идеологии. Программа должна быть, таким образом, для партии высшей инстанцией, куда она каждый раз должна апеллировать, когда пред ней выступают разнообразные проблемы теоретического, а особенно практического характера. Последнее потому «в особенности», что практические вопросы—вопросы *жизни*, более сложные и противоречивые, более пестрые. Жизнь—пестрая ткань взаимоотношений, игра страстей и интересов, спутанных

нередко в клубок. Программа, как высший критерий, одна только может дать руководящие начала, ариаднину нить, при помощи которой только и можно выбраться из лабиринта «объективного хода вещей». Что же мы видим в статье Кравчинского? Из правильной совершенно предпосылки своей программы—о необходимости организовать в массе народной боевой революционной дружины—он неожиданно приходит к тому выводу, что ставит опыт организации такой боевой дружины, какую построил Стефанович, как пример «первостепенной важности, знаменующий собою этот переход социалистов на почву чисто *народную*» (Курсив мой. А.). Он делает потом массу оговорок («Было бы крайней близорукостью и даже *нарушением основного принципа* народнической программы рекомендовать способ действия Стефановича для *всех местностей и народностей* русской земли»¹⁾). Значит, там, где «местности» и «народности» позволяют это, *такой* способ действия *правилен* и не является «нарушением основного принципа народнической программы»? Стало быть, его можно «рекомендовать» *bona fide*? Стало быть царизм, как символ самого ужасного, самого темного политического и экономического гнета, становится и может стать на практике девизом освобождения масс?

И это называется «переходом социалистов на почву чисто народную»? И между этим «делом», делом Стефановича, проводится аналогия с «делом» Засулич!²⁾ Что все сие значит? Я уж

¹⁾ Курсив везде мой. А.

²⁾ Аналогия эта неудачна, кроме того, еще тем, что неверно приписывает акту В. Засулич значение «поворота» в тактике революционеров. Этого на самом деле не было. И Кравчинскому, как землевольцу и как революционеру с таким большим революционным стажем, не могло быть неизвестно, что поступок насильника Трепова не мог и не должен был остаться без возмездия, что такого рода акты насилия и соответственная реакция на них со стороны партии предусматривалась уже обществом «Земля и Воля», и что это Общество, в связи с другими революционными группами, решило уж «казнить» за это Трепова. Дело в том, что в обществе «З. и В.» была особая группа с большими полномочиями и строго-конспиративная. Это—*дезорганизаторская* группа. Назначение ее было—целью рядом разнообразных действий и положений *ослабить правительственный механизм, внося в него элементы развала* (связи с различными лицами власти, проникновение в самое «осиное гнездо» ее,—в той или другой форме). Это—*дезоргани-*

не говорю о том, тут никакой аналогии и быть не может—аналогия эта или параллель весьма неудачная: Засулич совершила акт высшей человеческой справедливости—открыто, в лице Трепова, покарала насильничество,—как правительственную систему, как живой символ царизма, а Стефанович, во имя социалистического народничества, организует крестьян во имя...царя, от имени царя, прибегая к самозванству и подложному манифесту, пользуясь слепой верой чигиринцев в царя! Да ведь тут «социализма» и «революции» ни одного грана нет!... «Социализм» и «царизм», «революция» и темная реакция!... Стефанович, к счастью, не довел до конца своего дела. Я говорю «к счастью», ибо доведи оно это дело до конца, т.-е. не провалилось

заяция, в широком смысле этого слова. Специально дезорганизация имела целью оборону жизни, свободы и чести как отдельных лиц, так и партии в целом. Устанавливая общую, основную тактическую линию, Общество предоставляет дезорганизаторской группе в каждом конкретном случае действовать самостоятельно, руководствуясь требованиями данного случая, или целого ряда таких случаев, если бы таковые, по внешним причинам—со стороны правительственной организации, на первом плане—имели место и вынуждали к этому общество «З. и В.» и другие причастные к нему группы или организации, большого или малого состава—все равно.

Это не был еще «террор» (мы этого термина не употребляли еще тогда), но это был уже—террор по существу его: по его содержанию, смыслу и действиям. Мы уже тогда непосредственно боролись с правительством, когда, напр., освобождали Кропоткина (первый дезорганизаторский акт общества «З. и В.»), когда «устранили» предателя (шпиона) Шарашкина и проч. и проч. Это была несомненно—непосредственная уже борьба с правительством, а, стало быть, и политическая, хотя и не отчетливо сознаваемая нами, как таковая,—как не сознают это люди, не знающие, что такое проза, но говорящие прозой. И если бы тогда, при возникновении общества «З. и В.», когда образовалась дезорганизаторская группа и установлены были ее функции, был прямо поставлен такой вопрос: если случаи и поводы для дезорганизации будут все чаще и чаще повторяться, паче чаяния, на практике, то не будет ли на них отвечать общество «З. и В.»? Ответ ясен: будет, обязательно будет, по мере сил и средств, не останавливаясь ни перед какими последствиями, ибо от этого зависит, прежде всего, жизнь партии, не останавливаясь и пред тем, кто будет ей на пути стоять—будет ли то простой предатель, высокопоставленное ли в правительстве лицо, или сам—«божьей милостью» царь.

Это—верно и вытекает из разума существования группы дезорганизаторской. Стало быть, Трепова неминуемо ждало возмездие—по заслугам его. В. И. Засулич только совершенно случайно предупредила уже налаженную

оно, помимо его воли,—пред нами разыгралась бы не революционное, а реакционное движение, и ореол царя засиял бы еще с большим блеском в глазах народа, и авторитет его вырос бы в несокрушимую силу, и царизм, одним словом, не пошатнулся бы в его устоях, а, напротив, увековечился бы во славу Господа и его Царя...

Кровавая расправа, драганады, не разбудили бы народной мысли, не разогнали бы тяжелого кошмара исторических традиций, не взорвали бы пьедестала идолопоклонничества перед «помазанником божьим»... «То паны, министры и сенаторы ви-

землевозьцами и южанами (Валер. Осинским, М. Фроленко и Попко) «казнь» Трепова.

Если бы эта «казнь» не удалась, паче чаяния, в январе 1878 г., она повторилась бы, пока не достигла бы, так или иначе, намеченной цели. Это не подлежит сомнению. И никакого тут поворота не было бы, а лишь последовательность действий, диктуемая как самой функцией дезорганизаторской группы, так и позицией противника революционной партии—правительства, непосредственного в данном случае злейшего врага ее.

Правда, здесь не было бы того ореола индивидуального величия и благородства, которым был окружен поступок Засулич, не было бы взрыва того общественного сочувствия к этому акту, а, стало быть, косвенно и сплошного, открытого осуждения правительственной системы и, дальше, хотя бы временного, освежения и очищения затхлой до того общественной атмосферы. Это верно, и в этом, помимо личного героизма Засулич, великое значение ее поступка, общественное значение его.

Конечно, поступок Засулич, как всякий крупный факт, мог вызвать подражание, но это не было «поворотом» в деятельности партии, если бы последняя раньше до этого еще не решила так действовать всегда и неуклонно, как решилась на это случайно и единолично, сама собою, не предвидя этого прежде никогда, сама Засулич. Резюмирую. Никакого «поворота» акт 24 января 1878 г. (выстрел Засулич) не произвел в революционной партии, и Засулич ничуть не ответственна за него, и напрасно с ее именем связывается начало террора. Это недоразумение одно. Но прав, тем не менее, Кравчинский, утверждая, что опыт Стефановича послужит исходным пунктом «поворота», это, действительно, был факт, не только крупный в революционной среде народничества, долженствовавший вызвать подражание, но и жизненный факт, связанный с *raison d'être* партии: вызвать к жизни революционную деятельность народа.

К несчастью, тут-то именно Стефанович сыграл роль железнодорожного сигнальщика, страдающего дальтонизмом: он подвергал народный поезд костюломному крушению. И горе было бы России, если бы «поворотом» управляли дальтонины, вроде Стефановича и К°. А.

новны, то—их рук дело!»...—с восточной резиньяцией приняли бы чигиринцы и их соседи «кровавую баню»...

Дело Стефановича («чигиринское дело») произвело сильную сенсацию в революционной среде, загнипотизировало, не увеличивая, эту среду—всех, и даже такую светлую голову, как Кравчинский, смутило до крайности, сбило с пути последовательного мышления, стерло, оттеснило «постоянное» из-за «случайного», против чего он сам же ратовал в теоретической части своей же программы. Правда, Кравчинский обещает, как мы выше уже отметили, «...подробнее поговорить и о чигиринском деле со всеми его достоинствами и несовершенствами». Какие же это «достоинства»? Несомненно—*первый* почин построения народной организации, ум и талант, вложенные в это дело, серьезно задуманное и в совершенстве, поскольку это обстоятельства позволяли, выполненное. Какие недостатки, «несовершенства»? Здесь мы должны допустить,—принимая во внимание благородную мысль Кравчинского и сильно развитое в нем чувство правды—одно, а именно: ложный, вредный, реакционный принцип, вложенный в основу построения Стефановича—*царизм*, «авторитарный» принцип, по терминологии землевольцев. Кравчинский это чувствовал, но замороженный, как и многие другие, опытом Стефановича, с одной стороны, и увлекаемый страстным желанием двинуть поскорей народников в поход—с другой он, не рассуждая слишком много, поддается гипнозу удачного почина и готов его оправдать и восклицает:—«Оставьте катехизис и учебники! Погрузитесь в великое море народное!» Он хочет и оправдать Стефановича («...Можно не соглашаться с теми приемами, к которым, под давлением местных условий и крестьянского мирозерцания прибегли в чигиринском деле социалисты. Но не в них, в частных приемах, которые будут разнообразиться до бесконечности, сообразно с местными условиями, заключается громадное значение попыток, а в том, что они впервые показывают нам возможность вызвать на свет мощную, чистомужичскую революционную организацию, исходя из местных крестьянских интересов») и, незаметно для себя, запутывается в собственной аргументации, запутывается в мелочах, в недомолвках, явных нелогичностях, вымученных изворотах мысли. Чуется в его словах недовольство самим собою, скрытая досада,

и он торопится нервно как-нибудь связать свою расхлябанную мысль, которая как мы выше видели в аргументациях ее по поводу террора, была тверда, отчетлива и ясна, как ясны обычно его ум и его душа. Досадно. А дисгармония, как бы то ни было, была этим внесена уже в *первый* № «Земли и Воли», в *первую* ее руководящую статью. Повторилось опять старое, знакомое: один в лес, другой по дрова. Разброд и шатанье в самом жизненном—в *тактике* землевольцев ¹⁾.

III.

Нам остается еще познакомиться с передовой статьей № 5 «Земли и Воли». Написал статью Л. Тихомиров. Предварительно, как это было установлено в Обществе «З. и В.», статья была прочитана в редакторской коллегии и в присутствии А. Д. Михайлова, как представителя «центра». Редакторская же коллегия была представлена только на этот раз двумя ее членами: Л. Тихомировым и О. Аптекманом, временно заменявшим Плеханова по случаю выезда его, в ожидании соловьевского покушения (так решил Совет), из Петербурга. Статья была одобрена. Сделаны были кое-какие замечания, особенно А. Михайловым, по поводу раскола (он был знаток в этой области, не только теоретически, но и практически, изучив в Саратовской губ. спасовцев до тонкостей). Написана статья живо, увлекательно и, в общем, дельно. Народнический тон выдержан, в целом, строго, хотя и с привкусом сомнительно пахнущего славянофильства и дешевой, захваченной демагогии по адресу «интеллигенции»: народ-де куда глубже понимает и всегда-де понимал свободу, чем образованный класс (свобода мирских сходов, веротерпимость, судебная гласность и проч., проч.). Очень подробно изложена тактика народничества (землевольчества тож). Автор подчеркивает настоятельную необходимость, уже вполне созревшей задачи организации в деревне *боевых дружин*, вооруженных всеми материальными и духовными средствами активной борьбы.

Назначение этих боевых дружин—создать в деревне такую боевую революционную силу, которая бы в каждый крити-

¹⁾ Курсив везде мой. А.

ческий момент бытия деревни выступала в ее защиту, не останавливаясь ни пред какими способами: где нужно мирным, бескровным путем,—путям же этим несть числа (проникновение в разнообразные мирские должности, земская служба, захватывающая интересы населения, посылка ходяков и т. д., и т. д.),—а где нужно—то и силою, в той, опять-таки, или другой форме, по обстоятельствам глядя. Боевая революционная дружина в деревне—это ее охранительный отряд, оберегающий ее от эксплуатации деревенского кулака и притеснений деревенских и других властей. *Вооруженная*, она пускает в ход *насилие* и *устрашение* в разнообразных их сочетаниях и формах, выработанных уже вековым опытом самого народа. Это, одним словом, *аграрный деревенский террор*.

Такие дружины популяризируют в деревне *революционную* организацию, как *действительную* силу, способную на деле выступать в защиту народа—в противоположность мифической защите какого-то еще более мифического «далекого» царя.

Из сознания народа, таким образом, вытесняется чарующий и затемняющий его ум, расслабляющий его волю, сказочный образ. Это—во-первых. А, во-вторых,—народ сам, мало-помалу, втягивается в *активную* борьбу и, таким образом, разбросанные по селам и деревням России ячейки-дружины становятся центрами притяжения для организации в народе *революционной партии*.

Мысль эта, в общем, не нова, *новым* является лишь *аграрный, деревенский террор*, как *особая* форма народнической борьбы в деревне, противопоставляемая *прежней* исключительной форме агитации в деревне—*бунтам*. Собственно и это—деревенский террор—не было открытием самого Тихомирова: мысль эта уже носилась, так сказать, в воздухе и была принесена в Петербург «деревенщиной».

Тихомиров же, со свойственной ему способностью схватывать всякую *новую* мысль, *новое* настроение, на лету, быстро усвоил это *новое* и воплотил его в живое слово—в свою статью. Тем более, что это вполне гармонировало с его тогдашним собственным умонастроением: *террор в городе, террор и в деревне*.

Очень характерны заключительные слова статьи: «...Насколько все это возможно? Конечно, нам станут указывать

на разные исторические законы и т. п. Прекрасно. Но исторические законы проявят свою силу и без нашего попечения, а мы пока будем делать, что можем и что считаем нужным. Начиная дело, будем стараться вести его по возможности основательнее и шире, а выйдет ли оно так стройно и гладко, как рисуется в теории, или только приблизительно к этому—зависит, конечно, от обстоятельств, и рассуждать об этом в настоящее время совершенно бесполезно»...

И дальше, на стр. 2: «И пока мы будем размышлять о *высшем развитии* и *конечных идеалах*—народ может быть доведен до такого состояния, что его уже не подымеешь никакими способами. Нет, *нам нужны не идеалы*, нам нужно в самом скорейшем времени, пока еще не поздно, разбить эту ужасную государственную машину и поставить на ее место общественный строй, хотя бы и не идеальный, но все же обеспечивающий народу возможность дальнейшего развития. *Малый прогресс все же лучше большого регресса*»¹⁾.

И последний удар по арфе: «Оставим же бесплодное витание в *высших областях идеалов*, будем *практичны*, будем энергичны—и пусть знамя Земли и Воли *осенит* собою соединенные армии крестьян и революционной интеллигенции на *страх* всем эксплуататорам и вековым врагам народа!»¹⁾

Если читатель обратит внимание на «философские» суждения Тихомирова, он, смею думать, согласится со мною, что ум у Тихомирова—*поверхностный* ум, но гибкий, эластический, практический, короче: *оппортунистический*, с значительной примесью вульгарности. *Ближайшие* интересы данного момента, тускло освещаемые общим руководящим принципом, не говорю уж об *идеале*,—над последним он изощряет свои вульгарные выпады,—стоят у него на первом плане: он, как муха,—сказал бы я,—в совершенстве почти ориентируется в ограниченном поле *непосредственного* его наблюдения. Никаких широких горизонтов, мещанская ограниченность, мещанский практицизм. Соответственно с этим у него и стиль такой легкий, скользкий, порою—вульгарный, но зато общедоступный, популярный. Нет силы в этом стиле, потому что нет силы в самом авторе: нет крепких

¹⁾ Курсив везде мой. А.

принципиальных опор, нет твердых убеждений, нет, одним словом, идеала, этой «святая святых» всякого глубоко мыслящего и морально чувствующего человека. А последний его аккорд! («...и пусть знамя Земли и Воли осенит (какой «высокий стиль»! А.) собою соединенные армии и т. д.»). Разве это не (бессознательная, конечно) перефразировка на революционный лад обычной формы обращений в манифестах божией милостью русских монархов к «своему народу»? (Осени себя святым крестом, православный русский народ...на страх врагам престола и отечества!)).

И когда я сейчас сравниваю статью Тихомирова с вышеупомянутыми статьями Плеханова, то какая разница.

В статьях Плеханова подлинный талант, оригинальность мышления, даже при усвоении чуждой идеи, чуждой концепции, своеобразная манера популяризации своих идей и, наконец— что важнее всего, — метод, строго-научный, чего и в помине нет у Тихомирова. А, ведь, это писал совсем еще молодой человек, это первый литературный его опыт, да и тема-то какая сложная и запутанная! Обосновать революционное народничество данными научного социализма! Какие различные типы писательские, этот Плеханов и Тихомиров! Я только теперь понимаю, почему они оба так антипатичны были друг другу,— отчего, en passant, и пошла редакторская склока, отчего из этого выросла рознь и сообщилась небольшой части остальных товарищей по «Земле и Воле»¹⁾.

Но сейчас, читатель, каюсь: тогда, сорок два года тому назад, статья Тихомирова мне очень понравилась. Да и не мне одному. Молодежь, как я в этом тогда не раз убеждался, читала эту статью с восторгом. То была пора (весною 1879 года), когда вдумываться в «теорию» некогда было, когда «практика» захватывала людей своей злобою, когда настроение требовало неме-

¹⁾ Кстати. Ведь статья Тихомирова появилась вне очереди. Плеханов передавал мне, что на одном из редакционных совещаний было решено, чтобы продолжать дальнейшее теоретическое развитие землевольческой программы со всеми необходимыми дополнениями, уже внесенными в нее практикой. Статью должен был написать Плеханов, что он исполнил. Она была одобрена редакцией, особенно сочувственно к ней отнесся А. Михайлов. Как же это вышло, что в № 5 появилась неожиданно статья Тихомирова вместо Плеханова?... А.

дленного ответа на «проклятые вопросы», когда ко мне лично обращались—

На проклятые вопросы
Нам ответы дай прямые!

Когда, одним словом, был большой спрос на популяризацию идей в Тихомировском духе. Это так. Думаю, что не преувеличиваю. Звезда Тихомирова, как идеолога революции, подымалась все выше и выше, его весьма охотно слушали, читали, преклонялись пред ним... А это создает самомнение,—конечно, в ограниченных людях,—стремление подыматься выше, сверх своих сил, т.-е. становиться на ходули... Плеханов же собственно только стал выдвигаться, набираться сил, расправлять свои крылья и —вдруг на пути Тихомиров: соревнование, сначала скрытое, а потом и явное, прорвалось таки, inde—неприятнь, антипатия и прочие всяческие трения, омрачавшие редакцию «З. и В.»...

Я так долго останавливался на журнале «Земля и Воля» потому, что ведь орган этот—орган народнический, единственный печатный орган того времени, в котором трактовалось народничество,—как программа и как тактика. То был первый опыт, выполнение которого взяло на себя общество «Земля и Воля»,—представить в более или менее стройной, последовательной форме изложение революционного народничества печатно.

Была ли выполнена эта задача? В целом и существенном— да! но в частностях—много разноречий и недомолвок. Уже у Кравчинского мы видим это,—в частности, в его отношениях к, так называемому, чигиринскому делу,—а у Тихомирова за его практицизмом и оппортунизмом много прорех. Но в конечном результате и у Кравчинского, а в особенности у Плеханова, мы находим ярко и отчетливо выраженным основные положения народничества: «объективный ход вещей», или, точнее, «общественное бытие определяет собою общественное сознание», а это значит: личность постольку может осуществить поставленные себе задания, поскольку, для их осуществления, имеются в наличности объективные для этого предпосылки. «Человек делает историю, но делает он ее не из головы своей, а головой своей» (Маркс), т.-е. опираясь на данные «объективного хода вещей». Для настоящего времени это уж трюизм, но для того времени, имея еще такую спутанную, так сказать, идеологию,

как революционное народничество, это было большое приобретение как теоретическое, так, в особенности, практическое. И это большая заслуга Кравчинского и Плеханова, что они внесли это основное положение марксизма в свою программу. Пусть люди знают размеры своих сил и возможных достижений! и тогда у них почва будет под ногами, и *идеалы* их и *конечная цель* будут постоянно маячить перед ними, направляя их текущую работу в направлении этих идеалов и целей.

Не то у Тихомирова. Он отмахивается от «исторических законов», далеки, очень далеки, от него «высшие области идеалов», «высшее развитие»: «будем *практичны... малый прогресс все же лучше большого регресса*...¹⁾. Но это—рискованное движение по наклонной плоскости практицизма все ниже и ниже...в трясину... Но мы тогда не замечали этих опасных, фальшивых, совершенно беспринципных нот. Мы находились всецело тогда под влиянием *непосредственно* угнетающих нас злоб дня, *неотложных*, будто императивных требований практики, и думали, и действовали под несознаваемой нами чисто обывательской, по существу, психологией мышления и практики. По поговорке: не сули журавля в небе, дай синицу в руки! Подкупала нас, и стариков и молодых, соблазнительно легкая и увлекательная форма, в какую удалось Л. Тихомирову облечь свое изложение, пропаганду народничества.

Но все-таки, за вычетом всех этих изъянов, в пропаганде «Землей и Волей» народничества, в целом, она, газета «З. и В.», выполнила, по справедливости, свое назначение, хотя, по злой иронии истории, в тот уж критический момент бытия общества «З. и В.» и всех народнических организаций, когда они *все*, т.-е. все революционно-народническое движение клонилось уж к упадку.

Об этом речь сейчас.

IV.

Каковы были наличные, духовные и материальные, силы общества «Земля и Воля»? Что оно успело осуществить из поставленных им на очередь колоссальных своих заданий за эти три года его существования? Ответить на этот вопрос значит ответить,

¹⁾ Курсив мой. А.

вместе с тем, и на вопрос о генезисе *террора*,—как и отчего он развился, разветвляясь все больше и больше, во всю широту и глубину его,—как *настроение*, перевоплотившееся затем постепенно в *политическую* борьбу, на первых порах неотчетливо еще сформулируемую, но под влиянием или мысли и практики, окристаллизовавшуюся, наконец, в *народовольчество*—как *политическую* теорию и практику, и как, наконец, в последнем счете он, т.-е. террор, привел к расколу в обществе «Земля и Воля».

Обратимся к фактам. В середине января 1877 г., как известно, в Петербурге была окончательно построена организация, известная под именем «Северно-русское революционно-народническое общество», с 1878 г. известное уже под названием Общества «Земля и Воля».

В основу Общества был с самого начала положен принцип «централизации и дисциплины воли», по сильной терминологии незабвенного А. Д. Михайлова, этого самого яркого и последовательного представителя централизованного строительства революционных организаций.—«Если вы,—говорил он горячо на землевольческом Совете, в Петербурге, в 1878 г.,—если вы приняли программу кружка, если вы сделали членом организации, то в основных пунктах у вас не может быть разногласий с большинством ее членов. Вы можете разойтись с ними во взглядах на уместность и своевременность порученного вам предприятия, но в этом случае вы должны подчиниться большинству голосов. Что касается меня, то я сделаю все, что потребует от меня организация. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и от этого, хотя и знал бы наперед, что стихи выйдут невозможные. Личность должна подчиниться организации!»¹⁾

«Катон-цензор» одержал, в конце-концов, победу, хотя с оговоркой принимать, по возможности, в соображение личные наклонности членов организации.

Так на практике была осуществлена самая совершенная по тому времени форма революционной организации: *единство во множестве, гармония целого и составных его элементов*. Бла-

¹⁾ Г. В. Плеханов. Воспоминания об А. Д. Михайлове. Стр. 115—166, «Сочинения» Плеханова. Женева. 1905 г. Изд. Библиотеки Научного Социализма.

годаря этому, общество «З. и В.» сумело продержаться *три* года, что составляет уже довольно высокую *среднюю* продолжительность жизни для такого рода *подпольных* организаций. *Материальные* средства Общества, уже при основании его, были обеспечены «Лизогубовским фондом» — два больших поместья землевольца Д. Лизогуба. Рассчитывали, что, при удачной ликвидации этих поместий, получится сумма в 200—250 тысяч руб. А пока Общество снабжалось периодическими взносами в размере 5—8 тысяч. Если принять во внимание еще побочные случайные доходы (пожертвования лиц, сочувствовавших Обществу, выручки из продажи изданий Общества, экстренные сборы и проч.), а главное — крайний ригоризм в личной жизни членов Общества, не тративших и алтына на себя из общественного капитала, — если все это принять во внимание, то для *начала* дела средств было, пожалуй, достаточно, но *только* для начала. Но, ведь, в перспективе было большое дело, колоссальные, можно сказать, задания: *организация народно-революционной партии в деревне* — на первом плане. А другие дела, другие функции, нередко совершенно неотложные, напр., функции *дезорганизаторской* группы Общества (освобождение товарищей из тюрьмы и ссылки, защита свободы и чести товарищей, — словом, требования *самообороны*, в самом широком смысле этого слова, включая сюда и дезорганизацию тем или другим способом, правительственного механизма до царубийства включительно и проч.), и обзаведение типографией и заграничным путем и т. д. и т. д., — ведь на все это нужны были средства и средства! Затевали строить большой корабль, а большому кораблю и плавание большое полагается. Но вскоре же оказалось, что и на утлую ладью часто не хватает ресурсов. Как бы то ни было, но начать *надо* было, и *начало* двинуто было в ход. Как же пошло дело? был ли *только штаб*, а *армия* в перспективе еще, или и то, и другое уже было наготове? Пусть цифры говорят! В 1876—77 г., в год построения Общества в «основной» («центральный») кружок вошли следующие лица: 1) М. Натансон, 2) Ольга Натансон, 3) «Сабуров»-Оболешев, 4) Александр Михайлов, 5) Адриан Михайлов, 6) Дмитрий Лизогуб, 7) Валериан Осинский, 8) А-др Квятковский, 9) «Боголюбов»-Емельянов, 10) М. Попов, 11) Г. Плеханов, 12) Преображенский, 13) В. Троцанский, 14) А. Зунделевич, 15) С. Баранников,

16) Ю. Тищенко, 17) С. А. Харизоменов, 18) Л. Буланов, 19) А-др Хотинский, 20) О. Николаев, 21) Никандр Моценко, 22) О. Аптекман, 23) Игнатов, 24) Сергеев, 25) Крылова и 26) Мельгунов¹⁾. Если к этому «центру» прибавить и остальных всех членов Харьково-Ростовского кружка, целиком вошедших в «общество «З. и В.», то всех землевольцев было *maximum* — 50 человек.

Было немного *сопричастных* к «центру», оказавших нередко большие услуги организации, вступавших с ней *ad hoc* в те или другие отношения (как, напр., С. Н. Лаврова, близкий друг Ольги Натансон, народница-пропагандистка чистой воды, сестры Корниловы, старые товарищи Натансонов по кружку чайковцев и проч.). К сожалению, делать им *учет* я не могу: то были все *добровольцы*, в *постоянных обязательных* отношениях к обществу «З. и В.» не стоявшие. Как их учесть? А, между тем, точный учет землевольческих сил был бы очень важен для определения *действительного* удельного веса организации «Земли и Воли», ставшей центром притяжения не только для отдельных народников и народнических ячеек севера России, но и в значительной мере и для непокорного, бунтовского, так сказать, по природе его юга. Считаю нужным здесь кстати оговориться. К числу землевольцев я отношу только тех моих товарищей, с которыми я работал как в центральной петербургской группе («основной»), так и в провинции, — все равно, были ли они чле-

¹⁾ Этот последний, Мельгунов, какая-то для меня почти мифическая личность. Зимой 1877 года он жил на конспиративной квартире землевольцев, занимал отдельную комнату, куда не всякому был свободный доступ. Я не сразу приобрел право заходить к нему. Присмотревшись ко мне, он показал мне свой платяной шкаф, битком набитый разными смертоносными орудиями (ятаганы, кинжалы, сабли, револьверы, словом — арсенал). Сделал большие глаза, а он, молчаливый, как Вильгельм Оранский, положил указательный палец себе на рот: не спрашивай-де! Натансон частенько навещал его, и они, запершись, все о чем-то шушукались. Вскоре Мельгунов исчез совсем с землевольческого горизонта. Кто этот «таинственный незнакомец», так близко, повидимому, стоявший к «З. и В.» — не знаю. Уже, в 1879 г., в Тамбове, пред Воронежским съездом, В. Н. Фигнер навела о нем у меня справки, которые я ей дать не мог, так как ровно ничего об нем не знал и от товарищей тоже о нем ничего не слышал. Кажется, он *тогда* уже высиживал что-то грозное (не царубийство ли?) М. А. Натансон отклонил его. А.

нами-учредителями Общества, или просто членами его, как *народники-социалисты* («бунтари»), разделявшие программу «Земли и Воли» и действовавшие сообразно этой программе. Я назвал *только* 50 человек, но возможно, что их было и больше, но я с трудом припоминаю их. Пусть назовут их те, кто может их назвать, они этим окажут лишь услугу истории этого общества! И еще скажу. Я занес в свой список членов, о которых я доподлинно знаю, что они были *землевольцами* и работали так или иначе с *землевольцами*, — как ответственные пред Обществом представители (члены) его.

Тех же, которые *формально*, по старыми своим отношениям к «З. и В.», могли быть зачислены в число *землевольцев*, но не заявили об этом, как, напр., Петр *Кропоткин*, П. Б. *Аксельрод*, *Корниловы* и *Батюшкова* — все бывшие *чайковцы* — тех лиц, говорю я, — не вписал я в число *действительных* членов Общества «З. и В.», хотя некоторые из них, как я уже выше упомянул, оказывали нам временами большие услуги ¹⁾. По этой же причине я не зачислил в члены Общества тех лиц, которые в капитальном труде Н. А. Рубакина «Среди книг» названы как члены общества «З. и В.», а именно: С. *Ковалика*, П. *Войноральского*, Д. *Рогачева*, *Брешковскую*, Л. *Шишко* и, если память не изменяет мне, *Синегуба*, *Чарушина* и др. еще. Эти лица, если они и были кооптированы в тюрьме и крепости М. Натансоном, то это была кооптация фиктивная, ибо никто из них ни до кооптации, ни после актуально не работал и не мог работать в «З. и В.»: первые три потому, что они уже с конца, кажется, 77 г. (или в начале 78 г.) были уже «заживо погребены» в харьковских центральных тюрьмах, откуда они вышли лишь во время «диктатуры сердца» Лориса-Меликова: а последние все ушли — кто на каторгу, кто на поселение и житье в далекую Сибирь. Какие же они члены Общества «З. и В.»? Это — «мертвые души».

¹⁾ Покойный М. А. Натансон не раз мне говорил, что у Ободовской хранится какой-то *неприкосновенный для революционных целей фонд* из ее личных средств, которым он рассчитывает воспользоваться, при возвращении в Россию, для революционного строительства. (Сообщения эти были мне сделаны еще в ссылке в Якутской области, в первую половину 80-х годов (1884—85 г.г.) А.

После этих предварительных замечаний, продолжаю прерванную нить моей летописи о «Земле и Воле». — Дальнейшее «движение населения» в обществе «З. и В.», то-есть прибыль и убыль его членов, видно из следующего: в течение 1877—78 г.г. были приняты в центральную группу «З. и В.» следующие лица: 1) Н. *Короткевич* (летом 1877 г., из Саратовской группы, по предложению А. Михайлова, Н. Мощенко и О. Аптекмана), 2) Н. С. *Тютчев* (тоже летом 1877 г., в Петербурге, из местной *рабочей и дезорганизаторской* групп), 3) С. *Перовская*, 4) М. *Фроленко*, 5) С. *Кравчинский*, 6) Д. *Клеменц*, 7) *Бердников*, 8) А. *Пресняков*, 9) Н. А. *Морозов*, 10) Л. *Тихомиров*, 11) В. Н. *Фигнер* (все — в течение 1878 г., причем: Перовская, Фроленко, Кравчинский, Клеменц, Л. Тихомиров и Н. А. Морозов — как *бывшие чайковцы*, вызвавшие желание поступить в общество «З. и В.» ¹⁾).

Наконец, на Воронежском съезде, в июне 1879 г., в общество «З. и В.» вступили: 1) А. *Желябов*, 2) Н. *Колоткович*, 3) С. *Ширяев*, 4) Я. *Стефанович*, 5) Л. Г. *Дейч*, 6) П. Б. *Аксельрод*, 7) В. И. *Засулич* (последние четверо заочно и единогласно), 8) *Сергеева* и 9) М. Н. *Ошанина*.

Итого всех членов «З. и В.», с основания до Воронежского съезда (включительно), т.-е. членов «центра» Общества, было 46: 26 *членов-учредителей*, при основании «З. и В.», плюс вновь кооптированных 20.

Какую же убыль потерпело Общество за все это время, т.-е. с начала 1877 г.? В самом начале, еще в конце 1876 г., 6 декабря, был арестован 1) *Боголюбов-Емельянов*, выдающийся

¹⁾ На малом Совете землевольцев, зимою 1877—78 года, было предложено кооптировать целиком *весь кружок* В. Н. Фигнер, т.-е. еще Ю. Богдановича, Иванчина-Писарева и Соловьева. Все горячо высказались за это предложение, за исключением Трошанского и, помнится, М. Р. Попова. Последние отнеслись отрицательно к Иванчину-Писареву, мотивируя свое отрицательное отношение тем, что Иванчин-Писарев может внести некоторый разлад, некоторое нежелательное, мягко выражаясь, трение в братски-товарищеские отношения организации «Земли и Воли». Вопрос не пошел дальше в Большой Совет «З. и В.», случайно собравшийся тогда в Петербурге. И В. Н. Фигнер стала с своей ячейкой в *федеративные* отношения к «З. и В.». Но землевольцы считали ее уже тогда своим *равноправным* членом, и на Воронежский съезд она явилась именно как вполне *равноправный* член, без всяких предварительных выборных формальностей.

работник, крупная сила; затем следуют: 2) *М. Натансон* (в мае 1877 года), 3) *Тютчев* (тоже летом 1877 г.); одновременно с этим, замечу в скобках, был разгромлен в Петербурге, благодаря предательству рабочего Шарашкина, почти весь кружок рабочих Натансона (Шарашкин убит, и к убийству был привлечен Н. С. Тютчев), а также его сотрудники—*Н. Кузнецов, Хазов, Чехов* и др. Прошло больше года со времени этих арестов, «центр» стоял крепко, и вот в октябре (15 октября 1878 года) страшный разгром всего «центра», арестованы: 4) *Ольга Натансон*, 5) *Олешев*, 6) *Адриан Михайлов*, 7) *Леонид Буланов*, 8) *Бердников* и 9) *Троцанский*. И все-таки, благодаря строгой организованности и дисциплине «центра», последний, находясь в самом огне обстрела, продержался без малого, со времени основания «З. и В.», два года! Это—отмечаю—большой срок продолжительности бытия, при тех условиях, революционной организации. Но удары и дальше сыпались на голову «З. и В.», хотя «центр», благодаря организаторским дарованиям А. Д. Михайлова, был восстановлен скоро. Весною и летом 1879 г. были арестованы: 10) *Д. Клементц* (в Петербурге, весною), а в Киеве и Одессе (в мае и в августе) казнены—11) *Осинский* в Киеве, 12) *Лизогуб*—в Одессе¹⁾. Итого, с 13) *Кравчинским*, эмигрировавшим, выбыло за три года (без малого) землевольцев 13 членов «центра».

Что нам говорят эти цифры! Общество «З. и В.» не возросло, оно даже потерпело небольшую убыль, в течение 1877—78 г.: накануне Воронежского съезда число его членов достигло лишь цифры 24. Как же оно, при таких широких своих заданиях, справилось со своей работой? Прежде всего, оно разделилось на группки, ячейки, каждая из которых выполняла свою функцию, но резкого разграничения, само собою, не могло быть, в виду недостатка сил. Работающему, напр., среди интеллигенции или рабочих, приходилось одновременно выполнять нередко обе работы. Весною 1879 г. Плеханову, напр., приходилось агитировать и среди рабочих, вести пропаганду и агитацию в среде молодежи и, вместе с тем, работать в газете «З. и В.»,

¹⁾ Кроме казненных Осинского и Лизогуба, умерли: *Ольга Натансон*, вскоре после суда и *Оболешев*, остальные сосланы—кто в административную ссылку (Натансон, М., и Тютчев, Н.), кто на каторгу, поселение и житье. А.

как редактор ее. М. Р. Попов стремится в деревню, собирает для этого группу соответствующих работников, но его отрывают (на время пока) и поручают ему устранить провокатора Рейнштейна. Это необходимо, это вопрос жизни и смерти для всего Общества: Рейнштейн готовит буквально смертельный удар. *Sauve qui peut!* Попов уж на дороге в Воронежскую губ., где у него уже сформирована группа для работы в деревне, а он экстренно отрывается от своей главной работы и едет в Петербург, чтобы передать Стефановича и его товарищей на руки Зунделевичу, для препровождения их за границу! А. Д. Михайлов едет в Петербург (весною 1878 г.) с планом организации раскольников в Саратовской губ. и вынужден оставаться навсегда в Петербурге, ибо, во-первых, без него не обойтись, а, во-вторых, на очереди ряд неотложных дезорганизаторских (террористических тож) начинаний. Это еще не политическая борьба,—последняя еще не оформлена, не определилась еще отчетливо в сознании землевольцев,—как политическая (непосредственная борьба с правительством): она в настроении и сознании действующих, пока как оборонительная лишь борьба, и диктуется она повелительно требованиями самозащиты, самосохранения—«спасения жизни, свободы и чести членов партии». Здесь рассуждать не приходится, здесь выбора нет: каждый, кто только способен на эту работу, обязан выполнять ее, будь он «деревенщик», как Попов и Михайлов, или незаменимый член интеллигентской, рабочей и редакторской групп, как А. Н. Морозов, Л. Тихомиров, С. Кравчинский и проч.,—все равно.

Где же тут быть строгой дифференциации в работе?

Приходилось буквально разрываться, и началось уже оно с самого начала работы общества «З. и В.», при первых же его шагах, когда оно задумало еще построить землевольческие поселения в деревне—доминирующее его задание, центр тяжести его революционной работы, его устремлений и основной его цели. Что же оно успело, при наличности его сил, в этом направлении? Расскажем, как оно было—без преувеличений в ту или другую сторону, по возможности, объективно: ведь давно уж это было—45 лет тому назад!

«Все личное быстро осыпается» теперь. Можно быть объективным. Можно, хотя это трудно: пережитое начинает тревожить,

мучить, старые раны вдруг раскрываются и начинают сочиться кровью...Надо это преодолеть.—«Человечески переживать иные раны, — говорит Герцен, — можно только этим путем». Попытаемся.—В начале уже 1877 г. были, так сказать, форсированным маршем двинуты землевольцы в Саратовскую и Нижегородскую губернии для организации в названных местностях деревенских поселений¹⁾).

Весною 1877 г. в Саратов отправились Ольга Натансон и В. Троцанский для устройства местного «центра» для поселения. Кое-какие связи в обществе уже были там (присяжный поверенный Борцов, старик «радикал» Гофштеттер, нотариус Праотцев и местная революционная молодежь).

С помощью этих знакомств Ольга Натансон (по какому-то документу В. Н. Фигнер) устроилась вскоре фельдшерницей при губернской земской больнице, а Троцанский получил какое-то место, — *не важное*, — в земской управе. Я подчеркиваю слово «неважное», так как это неважное грозило стать важным. Дело вот в чем. Троцанский, — как жаловались мне товарищи в Саратове, когда я туда приехал, — позволял себе, получая жалованье только 25—30 р. в месяц, брать в театре первые места в креслах.

В провинции, где все на-перечет известны, это вызывало недоумение и всяческие гнилые пересуды: откуда-де у этого управского неважного чина средства на такие расходы? Пересуды же и обывательская болтовня — злейший враг для «под-

¹⁾ Были еще намечены Дон и Кубань. Но я не могу ни назвать всех лиц, посланных туда (помню только Рудакова и Никольского, «калмыка», по прозвищу), ни определить числа их, ни сказать — как они устроились, что сделали. Знаю только, что как на Дону, так и на Кубани были *местные народнические* ячейки и группы. На Дону работали Мозговые, Зубрилов, кое-кто из харьковской молодежи.

Это весьма солидная *местная* группа, пользовавшаяся доверием и уважением местного населения, — *народнически-пропагандистская* по преимуществу. Но она имела все шансы на успех в случае, если бы этого потребовали обстоятельства, перейти и на почву *агитации*, как этого *главным* образом требовала программа. Группа эта находилась в связи с революционными элементами соседних губ. (Воронежской, Харьковской). В каких отношениях эта группа стояла к землевольцам, — я определенно не знаю, надо полагать — в *федеративных*. О Кубанской мало знаю, там были землевольцы-харьковцы Быковцев, Мощенко, Тищенко, Гартман, Боголюбов-Емельянов, но это было в 1875 году еще. М. б., связи и остались. А.

польной» организации.—Может быть, это было необходимо для завязывания знакомств? — спрашивал я. До известной степени — да! Но это не соответствовало его служебному положению: «первые места и к тому же расфранченный чуть ли не по последней моде!» Промаш — что и говорить!

Но, тем не менее, связи стали налаживаться. Вдруг — телеграмма из Петербурга: М. Натансон арестован, и Ольга Натансон и Троцанский экстренно туда вызываются: они там оба нужны. «Центр» местный ликвидируется, а новые поселенцы-землевольцы все больше и больше стягиваются в губернию. Как же быть без «центра»? Спешно реставрируется *новый «центр»* из прибывших, но связи в обществе ослабли: новые люди, неизвестные обществу, надо еще присмотреться. Это — помеха с самого начала: трудно устроиться без связей, а некоторые положения (фельдшеров, писарей, учителей и проч.) именно и нуждались в связях с местными влиятельными лицами.

Из кого же образовалось саратовское поселение? как велико оно было? Из *центральной* («основной») группы «З. и В.», туда попали: 1) *Харизоменов*, 2) *Сергеев*, 3) *Николаев*, 4) *А. Д. Михайлов*, 5) *Аптекман*, 6) *Мощенко*, 7) *Хотинский* и, наконец, 8) *Плеханов*.

Землевольцы *не* учредители: 9) *Короткевич*, 10) *М. Новицкий*, 10) *А. Н. Демчинская-Новицкая*, 12) *С. Реброва-Харизоменова*, 13) *А. Богомаз*, 14) *М. Брецинская*, 15) *П. Бураков*, 16) *Я. Севастьянов*, 17) *П. Федоров*, 18) *Н. Быковцев* и 19, 20, 21 — *трое* рабочих.

Устроились уже из них на *местах* в деревне к началу лета 1877 г. 1) *Харизоменов* (в качестве волостного писаря), 2) *Харизоменова-Реброва* (как жена), 3) *Новицкий* и 4) *Новицкая* (открыли сапожную мастерскую), 5) *Сергеев* (сельским писарем), 6) *Николаев* (тоже), 7) *Федоров* (мастеровым), 8) *Я. Севастьянов* (кажется, учителем) и 9) *Н. Короткевич* (тоже учителем). Все люди с революционным стажем, вообще. В городе в «центр» пошла *М. А. Брецинская*, а хозяйкой конспиративной квартиры — *Богомаз*. Остальные, за исключением, *А. Д. Михайлова*, завязавшего прочные знакомства среди саратовских городских спасовцев и вскоре, при их помощи, устроившегося в деревне, среди раскольников, — никто никак не могли, за недостатком связей,

устроиться (почему Мощенко, как хороший сапожник, не устроился—не знаю; Плеханову Аптекману, Хотинскому и Быковцеву совершенно не повезло ¹⁾).

Во всяком случае *десять* человек уже поселились в деревне и в числе их А. Д. Михайлов и С. А. Харизоменов среди *раскольников*.

Я еще не упомянул о *трех* рабочих-землеольцах, горячо отозвавшихся на наш зов поселиться в деревне. Это были хорошие, твердые, убежденные народники. Но вышло неожиданно для нас что-то совсем неладное. Все лето убили они на поиски мест, исколесили пешком чуть ли не полгубернии и вернулись в Саратов ни с чем. Мало того. Они категорически заявили товарищам, что в деревне селиться уж не намерены, а будут продолжать свою работу в обычной для них среде—*городской*. По этому поводу было много объяснений и споров, но рабочие стояли на своем. Из споров выяснилось, что на рабочих деревня произвела сразу угнетающее впечатление: суровый, тяжелый обиход жизни, убожество и культурная обездоленность, душная атмосфера сумрачности, недоверия, недоступности (двух из этих рабочих приняли даже за «немцев»).

А, между тем, «это были испытанные люди, искренно преданные народным идеалам и глубоко проникнутые народническими взглядами...как ни удивляла нас эта отчужденность от «народа» его городских детей, но факт был налицо, и мы должны были оставить мысль о привлечении рабочих к собственно «крестьянскому делу» ²⁾. Одной иллюзией стало, таким образом, меньше: не все, значит, рабочие годятся для деревни. Рабочие-землеольцы, о которых я говорю, были *заводские* рабочие, с большими запросами, умственными и культурными навыками, прошедшие революционную выучку в Петербурге.

¹⁾ Об этом подробнее в моей книжке «Земля и Воля» 70-х годов. Глава V, стр. 111 и след. Здесь же подробности и о землеольцах-*рабочих*, приставших к саратовскому кружку для поселения в деревне. Всех же членов в Саратовской филиальной группе общества «Земли и Воли», считая, конечно, и *трех* рабочих, было двинуто 21 человек. А.

²⁾ Г. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». Издание второе, стр. 7. А.

Деревня, прямо сказать, испугала их. И они пока что остались в Саратове, где и завели сношение с местными рабочими.

Следуя их примеру, и Плеханов, потерпев неудачу в Аткарском земстве, где надеялся устроиться в качестве народного учителя, вошел в сношение с местными рабочими и местной молодежью. Пропаганда его,—пропаганда народничества,—имела, говорили мне, большой успех. Я ждал со дня на день обещанного места фельдшера в Саратовском уезде, а пока что помогал «центру» в сношениях его с внешним миром—товарищами, рассеянными по всей губернии, и петербургским «центром» нашим главным «штабом», который необходимо было держать в курсе наших дел. Из деревни, кто поближе к Саратову, нет, да появляется на один-другой день за разными справками и сведениями. Поселение, хотя и небольшое, повидимому окрепло. Есть на местах и коренной, *не* пришлый, элемент. Надо работать, можно работать, но долго, очень долго. Деревенская действительность много сложнее, чем схематически наброшенная программой картина. Предстоит большая *предварительная* еще работа *подготовительного* характера. А *такая* работа, т.-е. *подготовительная*, требует людей, а их немного, считая даже *местных*, революционно-народнического направления. Для *прямой* же агитации, повидимому, пока еще нет благоприятной почвы. Приходится ждать, выжидать: искусственно агитации в деревне не создается. Таковы первые деревенские впечатления. В них не слышны высокие ноты, но нет также и уныния. Общий вывод такой: будем жить в деревне, а за нами, глядя на нас, пойдут и другие. Мы—передовой отряд, войско явится, когда поле битвы определится, обнаружится более отчетливо. Так говорили наши деревенщики-землеольцы.

Приближается осень. Стали замечать, что за нашей «коммуной» началась слежка, наивная и дерзко-глупая: стоят у ворот и прямо заглядывают в окна. Решено было ликвидировать спешно квартиру и, при провинциальной халатности местной сыскной власти, удалось бы всем исчезнуть, заметав следы. Это—во-первых. А, во-вторых, было постановлено, чтобы часть товарищей совсем выехала из Саратова,—раз не предвидится шансов устроиться в ближайшем будущем. Наконец, приняты меры, чтобы предупредить товарищей-деревенщиков о предстоящей перемене

квартиры «коммуны». Первыми уехали Мощенко, Аптекман и двое рабочих. К сожалению, временная нужда в деньгах задержала ускоренную переборку на другую квартиру, и облага явилась раньше, чем ожидали. Арестованы жившие в коммуне: Богомаз, хозяйка конспиративной квартиры, Быковцев, Бураков, Хотинский и Новицкая (она по болезни на время приехала в Саратов). Была, как водится, устроена засада, куда, на другой день, попали: Брецинская («центр»), Сергеев, приехавший только накануне, и Плеханов. Все были арестованы, но затем освобождены с подпиской явиться по требованию. Провал этот ничем серьезным не кончился, только одну Новицкую судили за проживание под чужим именем и оправдали. Остальные—Плеханов, Хотинский и Быковцев своевременно уехали (Быковцев, впрочем, сразу выпутался, указав на какого-то важного в Саратове «дяденьку» иерея). И все-таки этот провал городской отозвался на деревню.

Во-первых,—«центр», по разным личным чисто мотивам, упразднился. Поселение осталось без «центра», авангард—без штаба. Это на практике значит свести поселение, как *единое* построение, на-нет: есть отдельные, распыленные элементы, но нет координирующего центра. А, во-вторых,—поселение, благодаря провалу, лишилось трех деревенских работников—Сергеева и двоих Новицких. Брецинская вышла совсем из организации, за нею последовала и Богомаз, а Бураков уехал в Петербург, где и устроился в землевольческой «вольной типографии». В саратовском поселении осталось только семь землевольцев на всю губернию. Восстановить «центр» было крайне необходимо, но свободных людей ни в Петербурге, ни на месте не оказалось, и только с начала лета 1878 г. (а может быть,—и с весны) в Саратов отправился Преображенский, член «центрального» петербургского кружка. Как долго продержалось саратовское поселение во всем его составе? Точно определить не могу, ниже увидим; уже летом 1878 г. Харизоменов и Харизоменова, Новицкий и Новицкая находились уже в числе поселенцев-землевольцев в Тамбовской губ.

Значит, *землевольцев* осталось в саратовском поселении всего на всего четыре человека. Почему и когда именно Харизоменовы и Новицкие бежали из Саратова,—не знаю. Может быть,

они ушли еще *раньше* восстановления в Саратове «центра», тогда это, понятно, в силу необходимости. «Центра» не было, а тут и А. Д. Михайлов вдруг снялся с своего насиженного «спасовского места» и прилетел в Петербург, где и застрял еовсем. Осталось уж не четыре, а *три* только землевольца. Кому же охота быть заброшенным, когда в Тамбовской губ. строилось уже *новое* поселение со своим штабом? *Три* землевольца на всю губернию—*три* землевольца «старой гвардии»! Были ли местные еще элементы,—этого я не могу сказать доподлинно. Если и было, то вряд ли больше полдесятка и то опять таки, из «старой гвардии», ибо *молодые* не шли в деревню.

Таков опыт революционно-народнических поселений землевольцев в Саратовской губ.; за целый год (с весны 1877 г.) едва устроилось *десять* человек, а к концу уже года или к весне 1878 г., вернее, осталось только *три*. Я даже недоумеваю, для чего понадобилось Преображенскому реставрировать в Саратове центр? Очевидно, были надежды кое-какие, но об этом ниже.

Ну, как же дело обстояло с нижегородским землевольческим поселением? Оно было обдуманно лучше саратовского. Землевольцы сразу устроились независимо от всяких покровительств и поощрений со стороны культурных общественных представителей. В Ардатовском уезде Линева, Ив. Л., под фамилией американского подданного *Джемса Филлипса*, устроил круподранку, а недалеко от него заведена была кузнечная мастерская. На круподранке, в качестве простых рабочих, работали *А-др Квятковский* и Кржеминский («Володя»),—молодой человек *второго*, так сказать, революционного призыва (в саратовском же поселении, кроме кое-кого из *местных*, никого совсем не было из молодежи). Хозяйкой на круподранке состояла А. И. Каминер, с революционным прошлым. И. Л. Линева—хороший организатор, прошел суровую школу жизни в Америке (отсюда и его кличка, очень популярная и среди рабочих, «Американец»).

Одно время,—скажу уж попутно,—зародилось в 70-х годах среди социалистической молодежи любопытное очень направление. Собственно это было не самостоятельное направление, а лишь побочное *течение*, уклонившееся от главного русла того времени—социально-революционного. По идеологии своей эти люди

были убежденные социалисты. Но социалисты, решительно отрицавшие революционные формы борьбы, кровавые, насильственные способы ее. Исключительно только в мирной, бескровной, постепенной работе видели они способ реализации социалистического идеала. Где же возможна такая работа? В России? Но здесь — беспросветная действительность вековечного политического гнета, несправная, темная, невежественная инертная масса, экономическая отсталость и разорение на основе уж воздвигающегося, строящегося уже денежного хозяйства. Какая же мирная социалистическая работа мыслима в стране деспотического режима? Ведь каждый шаг социалистической пропаганды станет могилой для самих пропагандистов. Века должны будут пройти, пока социалистическое семя взойдет. А этим временем зародится классовый антагонизм, классовая борьба, которые опять таки могут быть разрешены (если *могут* быть разрешены) кровавой революцией. Европа же менее всего благоприятствует их мирной социалистической работе: там гнет капиталистического государства все более и более растет, все сильнее и сильнее обостряются классовые противоречия, там потоки крови будут литься, а чем все это может окончиться — неизвестно... Где же возможна такая работа? — спрашивают «американцы». Ну, конечно, в Новом Свете! Там они, мирные социалисты, надеялись организацией коммунистических обществ заложить фундамент будущего социалистического строя. Там, в непочато свободной стране надеялись они начать строить новую жизнь. Жизнь без противоречий и гнета. Они, эти утописты, надеялись, веровали, что своим примером они увлекут других людей, и мало-помалу, вокруг коммунистических колоний, сгруппируются и соберутся «каменщики» новых форм жизни.

Как долго Линева пробыл в Америке, — я не знаю. Но в 1875—76 г. он уже в России. Пристаёт к «Земле и Воле», организует народнический поселок, о котором я только что говорил. В кузнечной мастерской работал С. Баранников. Сколько было всех членов в линевском поселке — не знаю, но во всяком разе не менее 6—8 человек. Выбор людей очень удачный. Квятковский и Баранников — прекрасные пропагандисты и, при благоприятных условиях, незаменимые агитаторы. В лице же Линева поселок имел выдающегося организатора, мягкого, терпимого,

умеющего связать людей и создавать новое дело. Казалось бы чего же лучше. Но рок уже висел над поселком. Вскоре после ареста Натансона (в мае 1877 г.), арестовывают, в числе других, и Н. Кузнецова. При аресте находят у него подробный адрес поселка Джемса Филипса. Последовал экстренный обыск на круподранке, а затем и в кузнице. В последней никого не застали (все убежали). Это более, чем подозрительно. Жандармы, сломя голову, летят обратно на круподранку и никого уж из жильцов, кроме Джемса Филипса (Линева), не захватили. Линева, конечно, был арестован. *Поселок провалился*. Скажу уж здесь кстати, что такая же участь в том же году постигла *народнические* поселения Иванчина-Писарева в Самарской губ. и Н. Н. Смецкой — на Урале. Поводом к провалу самарского поселения послужило то обстоятельство, что в Самаре получена местным «центром» телеграмма, что в Петербурге арестована некая Чепурнова, отправлявшаяся в Самару, при ней найдены были компрометирующие письма к самарским поселенцам. Получив эту телеграмму, все разбежались: братья Богдановичи, Иванчин-Писарев, Соловьев и другие. Люди уцелели, к счастью, но поселение всецело рушилось. Поселение же Смецкой сделалось, кажется, жертвой доноса со стороны местного человека. Арестована Смецкая, Окушко, другие бежали своевременно.

Таков итог *первого* опыта организации землевольческих и прочих народнических революционных поселений в деревне в 1876—77 г.г. Приходится констатировать с прискорбием, что крушение названных поселений не столько вызвано репрессиями *местных* властей, бдительностью *местной* власти, сколько главным, если не исключительным, образом, так сказать, рикошетом из *города* — Петербурга, или другого далекого пункта.

В самой организации поселений таились некоторые глубокие, но вполне устранимые дефекты, как-то: недостаток средств, отчего происходило нередко скупивание людей в одном пункте (в Саратове, напр., на конспиративной квартире), отсутствие в нас, что особенно важно — выдержки и дисциплины. Переписываться, конечно, надо, но принимая все предосторожности, которые в достаточной уже мере выработаны революционной практикой.

Из-за *случайного* ареста одного лица, снабженного письмами и адресами, убиваются наповал два прекрасных поселения (нижегородское и саратовское)!..

V.

1878 г. «Человек,—говорит Гёте,—познает самого себя не посредством размышления, а посредством *опыта* и тогда лишь, когда приступает к выполнению своего *долга*» (Курсив мой. А.). В этом году и общество «З. и В.» энергично выступает опять и к выполнению своего старого «опыта», и лежавшего на ней «долга» пред революционной партией: она твердо решила *продолжать* опыт организации революционных сил в деревне. *Первый* опыт вышел неудачен,—точнее: он не закончен. Что из того? Первый шаг всегда труден, надо делать—*второй*.

На импровизованном съезде землевольцев в Петербурге, зимою 1877—78 г. на Большом Совете, в числе других текущих вопросов, особенно горячо дебатировался вопрос о деревенских поселениях. Неудачи в Саратовской и Нижегородской губерниях, конечно, глубоко огорчили всех, но не обескуражили: было единогласно решено продолжать начатое дело. Обществу «З. и В.» было известно, что В. Н. Фигнер, находившаяся тогда в Петербурге и бывшая в самых близких отношениях «З. и В.», намерена со своей группой построить поселение в Саратовской же губернии, где у Общества «З. и В.» сохранились еще тогда обломки поселения. Это было только на руку Обществу, а потому был поднят вопрос, не попытаться ли завести поселение еще в других местах. Я указал на Тамбовскую губ., где в одном из его уездов (в Борисоглебском) я уже раньше работал, где была небольшая ячейка местных людей, не только сочувствовавших нам, но уже работавших, где, наконец, были кое-какие связи (*свой* врач, *свои* учителя и т. д.). Я поделился с товарищами моими наблюдениями и впечатлениями, вынесенными мною из борисоглебской деревни. Я прямо заявил товарищам, что, если бы я не был «командирован» в Саратовскую губернию, то Борисоглебского уезда я бы сам не оставил. Там есть большие села (как Рассказово, напр.), там много сектантов, особенно молокан, там можно и следует работать: по внешности будто—тишь и гладь, но на самом деле там—под пеплом тлеют огоньки.

Мое предложение было принято сочувственно. И с весны 1878 г. стало устраиваться в Тамбовской губ. землевольческое поселение. Сделаем, как и прежде, учет этим силам. Там поселились из землевольцев «основного» кружка: 1) *Тищенко*, 2) *Хотинский*, 3) *Новицкий*, 4) *Харизоменов* (последние два из саратовского поселения), 5) *Гартман*, 6) *Николаев* (тоже из саратовского поселения), 7) *Мощенко*, 8) *Аптекман*, 9) *Э. К. Пекарский*, 10) *Харизоменова* и *Новицкая*—11-я. Что следует из этого учета? *Новое* тамбовское поселение опять таки *исключительно* составлено из членов «основного кружка» «З. и В.», построено в *ущерб* саратовского (откуда ушло *четверо*), что, оно наконец обновилось лишь *одним* представителем из молодежи—*Э. Пекарским* ¹⁾.

Но была еще подмога со стороны *местной* народнической интеллигенции: там давно уже работал опытный пропагандист Н. П. Архангельский, там были рассеяны по губернии народники-учителя земских школ ²⁾.

Но «З. и В.» не ограничилась одним только тамбовским поселением. Несмотря на то, что в то время (весною 1877 г.) уже резко обозначился *поворот*, так сказать, *фронта* в работе представителей революционного движения и в их *настроении*, в общем,—землевольцы, как я уже говорил, настойчиво продолжали проводить в жизнь свою программу. *А. Д. Михайлов* составлял план организационной деятельности среди сектантов Поволжья; *М. Р. Попов*, *Квятковский*, *М. Н. Ошанина* и *Ширяев* решили построить поселение в *Воронежской* губ. Общество «З. и В.» сочувственно отнеслось к этому решению, и весною 1878 г. образовалась в Петербурге такая группа. В нее, в эту группу, в качестве пионеров, вошли: *Попов*, *Квятковский*, *М. Н. Ошанина*, ее сестра *Н. Н. Оловенникова*, *Геронимус* и др. Первым и отправились, в конце мая, в Новохоперский уезд, на земскую службу, в качестве фельдшера Н. Оловенникова и Геронимус. Вслед за ними предполагали отправиться *М. Р. Попов*, *Квятковский* и *Ошанина*. Последняя должна была поселиться

¹⁾ Я, впрочем, не уверен, перебрался ли из Саратовской губ. в Тамбовскую О. Николаев. Теперь понятно, почему Преображенский в Саратове восстановил «центр» местный: туда перебралась (в Вольске и Петровский те же) группа В. Н. Фигнер. А.

²⁾ О Н. П. Архангельском см. мою книжку, стр. 106—107. А.
ч. п.

в самом Воронеже и организовать «центр» для поселения. Выбор весьма удачный: М. Н. Ошанина сумела бы завязать необходимые отношения в тамошнем культурном обществе и среди местной молодой интеллигенции. Попов же и Квятковский намерены были сначала, в качестве торговцев крестьянскими товарами, объехать Воронежскую губ., с целью подыскать более подходящие места для построения поселения. К сожалению, дело оттягивалось, в виду предполагавшегося освобождения Мышкина, и все трое—Ошанина, Квятковский и Попов—вместо Воронежа, отправились в Харьков. Не вдаваясь в подробности, скажу, что только летом 1878 г. Попов и Квятковский осуществили свой план: они ездили с товаром по ярмаркам, расспрашивали, знакомились, — словом, основательно зондировали почву и нащупали таки счастливо такое место, которое показалось им вполне подходящим для революционного поселения—*locus minoris restitiae* (место слабейшего сопротивления), — как говорят медики. Попов и Квятковский едут поспешно в Воронеж, чтобы в облюбванное ими место вызвать наличный состав лиц, желавших поселиться в Воронежской губ. Но тут-то, в Воронеже, на них обрушилось большое несчастье: из Питера от А. Д. Михайлова получилось письмо, что центр организации «З. и В.» разгромлен, и что он, Михайлов, остался без средств и людей. Надо было ехать в Петербург обоим. Было решено, что *первым* поедет Попов, Квятковский пока что поедет на выбранное ими место, чтобы там все уладить. Попов же из Питера ему напишет,—ехать ли ему, Квятковскому, в Петербург или ожидать его в Воронеже ¹⁾. Попов, очевидно, питал еще смутную

¹⁾ М. Р. Попов. Из моего революционного прошлого (очерк второй). «Былое», Июль 1907 г. А.

Я не могу здесь попутно не отметить то совершенно неверное объяснение, которое покойный Г. В. Плеханов дает «распаду» воронежского поселения. Он говорит:—«Я не могу припомнить теперь, по какой именно причине они (т.-е. наши воронежские деревенщики) Попов, Квятковский и др. А.) так скоро покинули облюбванное им место; но думаю, что причина эта была в значительной степени *субъективного свойства* (курсив Плеханова. А.): в числе основателей воронежского поселения находилось несколько членов бывшего кружка так-называемых *централистов*, т.-е. *последователей П. Н. Ткачева* (Курсив Плеханова. А.). Люди этого направления могли быть очень способными, энергичными и деятельными на поприще террора,—

надежду, что, может быть, так удачно начатое дело не заглохнет, но—опять таки увы!—воронежское поселение так и не было построено. Труды пропали даром, на земле-вольцев стала надвигаться неминуемая гибель, — гибель, если не *самого* народничества, то вытекавшей из него революционной работы в деревне. И в самом деле. На огромном пространстве двух соседних губерний — Тамбовской и Саратовской—только *два* революционных поселения: крошечное — группы В. Н. Фигнер в *Поволжье* и чуть *количественно* побольше, землевольческое *тамбовское* поселение. (О *первом*, старо-саратовском поселении я не упоминаю, ибо оно в счет не может итти: вследствие переселения *оттуда* в Тамбовскую губ. четырех членов, старо-саратовское совер-

и такими в самом деле оказались некоторые члены Воронежского съезда, напр., покойная М. Н. Полонская (Ошанина, А.), но для работы в *крестьянской* среде (курсив Плеханова. А.) они годились очень мало уж по одному тому, что она плохо вязалась с их образом мысли. Они примкнули к воронежскому поселению за неимением более подходящей для них деятельности; а когда такая деятельность явилась вместе с началом *террористической* борьбы (курсив Плеханова. А.), тогда они уже не могли усидеть в деревне и покинули ее при первом удобном случае». Совершенно неверно. Полонская-Ошанина предназначалась не в «деревню», а в *город*, как «центр» для поселения. Это—во-первых. *Главные деревенские* организаторы—Попов и Квятковский—*вызваны были экстренно* в Петербург Михайловым,—как, скажу мимоходом,—сам Михайлов был экстренно же вызван в Петербург Плехановым из Ростова на-Дону. Плеханов был в Петербурге, каждый день видался с Михайловым и не мог не знать «по какой именно причине они так скоро покинули облюбванное ими место». Да, ведь, они «не покинули», а их *вытребовал* «центр»; по этой же причине сам Плеханов с Михайловым должны были оставить «движение казаков на Дону», где все у них было уж мало-мальски налажено. Причина была важная—разгром петербургского «центра». Михайлов требовал приезда Попова и Квятковского, так как он, Михайлов, *остался без средств и людей*. Конечно, с отъездом *главных* основателей и работников поселения остальным членам поселения нечего было делать в деревне. При чем же тут «террористическая» борьба, подчеркиваемая Плехановым, при чем тут «последователи П. Н. Ткачева»? Странно: как это Плеханов забыл такую причину, которую никак нельзя было забыть, ибо она вызвала панику в наших рядах, панику и печаль? (См. предисловие к переводу Туна, изд. Рутенберг, 1906 г., стр. 25—26. Помечено мартом 1903 г. Вообще в этом Предисловии много недосмотров и неточностей, невзначай допущенных самим Плехановым в разгар полемики его с Э. А. Серебряковым). А.

шенно опустело; если там остался кое-кто, то самое большее—*три* человека ¹⁾).

Таково было положение дел в 1878 г. Можно без преувеличения сказать, что этот год был *последним* годом существования землевольческих (народнических вообще) поселений. Они еще жили, эти поселения, но ангел смерти уже витал над ними. Тяжелое то было время для деревенщиков. Они ясно сознавали, что их ничтожная горсточка, которая с каждым днем, можно сказать, все больше и больше тает, что близится момент, когда эта горсточка совершенно исчезнет с поверхности, если не земли, то деревни...

Новые силы в деревню не приливают, тяга молодежи в деревню с каждым днем все ослабевает, а «неприкосновенный фонд общества «З. и В.»—«деревенщина»—все более и более растрачивается...

Банкротство надвигается неминуемо—боже упаси, если это уж *идейное* банкротство!...А, между тем, работа в деревне в *тот момент* представлялась особенно необходимой.

То была работа *подготовительно-революционная* по преимуществу, а не *агитационно-организационная*, как этого *требовала* программа, выработанная а priori головным способом, а не на основании опыта, почерпнутого из «хода вещей» в деревне.

Но эти последние два года работы в деревне, хотя и с значительными перебоями, убедили деревенщиков, что их работа, пока—работа *подготовительная*, требующая наличия *большого* числа работников, во-первых, и *продолжительное* время—во-вторых. *Большое* количество рабочих требовалось самыми свойствами работы: медленно, постепенно, капля по капле выдалбливать щели и трещины в инертной еще тогда, в целом, массе крестьянства. Через эти щели и трещины то и дело должны были проникать вглубь революционная мысль, чувство и воля. И вместе с объективным процессом истории «надеялись создавать, таким

¹⁾ Об *одиночках*, рассеянных, может быть, кое-где в названных двух губерниях, я не говорю потому, что они, эти одиночки, работавшие на свой страх и риск, но не связанные ни с какой организацией, *революционного* значения не могли иметь,—в том смысле, конечно, как это понималось революционным народничеством—создать в деревне боевую, импонирующую народу силу и воспитывающую в массе активный протест. А.

образом, в народе атмосферу *беспокойства, тревоги* и *недовольства*. И деревенщики, надо им справедливость отдать, в значительной мере успели в *этом* именно направлении. Это признано, так сказать, официально представителями разных общественных учреждений, имевшими, по тому или другому поводу, деловые отношения с деревенщиками: если все деревенщики таковы, они-де в короткое время завоюют деревню ¹⁾. Это—факт.

Деревенщики сознавали значение своей работы, они отнюдь не предавались насчет своей работы каким-либо иллюзиям. И, сознавая свое значение в деревне, они тем более глубоко страдали. Страдали от того, во-первых, что события в народе движутся слишком медленным темпом: *сознание своей силы недостаточно в народе, революционное настроение медленно назревает*; страдают деревенщики, во-вторых, от того, что убыль в их рядах, по разным причинам, непрерывно продолжается, что, наконец, в-третьих, эта убыль не возмещается притоком новых сил извне. Будь в деревне иное настроение—*активное*, то куда бы ни шло, можно было бы ограничиться и *сравнительно небольшим числом работающих в деревне*: во время возбуждения народной массы один-другой десяток энергичных, решительных, хорошо сплоченных деревенщиков был бы совершенно достаточен, как *фермент* восстания. Но сейчас в деревне не такое настроение умов, а потому эта непрекращающаяся убыль деревенщиков—смерти подобна. А убыль эта производилась совместным действием многих причин: то деревенщиков отвлекала то и дело из деревни все нарастающая и нарастающая *непосредственная* борьба с правительством в центре, неизбежные нередко, благодаря этому, аресты в деревне, так сказать, рикошетом; наконец, заметное чувство утомления работой в деревне и горькое сознание, что один в поле не воин. *Горькое чувство обиды, скорби, граничащее с отчаянием за дорогое дело; тяжелое чувство непримиримого озлобления против существующей власти, не только угнетающей массу материально, но обезличившей, обезволившей эту массу—морально; страх потерять последнюю опору в работе, единственную базу операционную*,—все это, в общей

¹⁾ См. мою книжку, стр. 173. А.

совокупности, породило в деревенщиках *настроение посчитаться с этим правительством во что бы то ни стало.*

Это последнее не высказывалось открыто, но оно всеми сознавалось, все глубоко переживали это и вдвойне страдали: «две души» боролись в деревенщиках: одна, по глубоким убеждениям их, властно удерживала их в деревне, хотя работа шла там толчками лишь, с переборами и при постоянном уроне сил, другая немолчно толкала в город—на *непосредственные* схватки с правительством. И деревенщики незаметно для себя заражались мало-по-малу терроризмом, террористическим *настроением.* То была подлинная драма, скрытая в тайниках души...Пишущий эти строки как раз жил в ту пору, передумал и пережил эту драму. Много интересного мог бы он рассказать о той поре, о деревенщиках, но здесь это не у места. Скажу лишь, что после разгрома Петербургского центра деревенщиков сплошь охватило чувство *мести* к правительству, в сочетании с другим, не менее властным, чувством—чувством *страха.*—«Еще один удар, Осип, и от нас ничего не останется!»—с отчаянием говорил Хотинский, две недели спустя после погрома нашего «центра» в Петербурге.

— Что же делать?

— *От обороны перейти к нападению!* Это—*единственно* возможный исход для нас...Логика действительности сильнее нас: хотим или не хотим, а поневоле приходится бороться с правительством... Либо оно, либо мы...

— Чего добьемся этой борьбой?..Где же такой кучке справиться с таким колоссом?!...

— Колосс, говоришь? а вот уж скоро десять лет, а никак он не справится с нами...

— Напуган он, твой колосс!...Работаем мы, Осип, на буржуазию!.. Ирония истории...

— Как-так?...

— Не выдержать правительству, хотя нас кучка!...Хорошенько прижать его—и оно поступится своей властью... даст конституцию... а это-то и нужно прежде всего нашим Деруновым... Сегодня они—Деруновы, а завтра—Ротшильды и Мендельсоны... *Вот на кого работаем!*...

Я посмотрел на моего товарища по «З. и В.» и на друга моего детства. Как он изменился! В последний раз он был у меня

в последних числах августа, после убийства Мезенцева. Он мне передал многие чрезвычайно интересные подробности подготовки этого акта, особенно много о самом Кравчинском. Но об этом в другой раз. А сейчас арест наших товарищей по «центру» перевернул и Хотинского. Он тяжело страдал. И скажу: не один он; я многих видел—все были убиты. А люди эти были отнюдь не сантиментальные. Но провал «центра» внезапно предстал перед деревенщиками—как *memeto mori*: еще *один* удар такой, и обществу «З. и В.»—смерть... Не надо было быть особенно пронизательным, чтобы прочесть в сердцах деревенщиков одно властное, неотвязчивое чувство—*месть* правительству, *месть* за все—за невознаградимые потери Общества, за гнет и насилие, за бесправие и тиранию...

Пускай же мщение святое
Твоею владеет душой,
Пока насилие тупое
Царит над Русскою землей!..

Это чувство становится господствующим: не обороняться только, а *нападать*,—нападать, чтобы избегнуть гибели, крушения Общества «З. и В.», разгрома всей революционной партии... *Месть* и *страх* собственной гибели явились доминирующими мотивами, чем и объясняется не только оправдание террора, но и деятельное в нем участие многих *правовверных* народников, как А. Д. Михайлов, Квятковский и др.

И весной 1879 г. это направление в Обществе «З. и В.» вполне определилось в Петербурге, в его штабе, дирижирующем «центре» ¹⁾.

Но настроение и *живших тогда в деревне* землевольцев было *такое* же. Многие, по темпераменту своему, не будучи сами способны к террористической борьбе, однако, вполне сочувствовали ей, этой борьбе.

Они еще жили в деревне пока что, но настолько от нее устали, что готовились уже совсем оставить ее (Тищенко, Хотинский, Николаев и Аптекман). Пишущий эти строки обрадовался всей душой, когда весной 1879 г. «центр» вызвал его чуть ли не

¹⁾ Подробно об этом я рассказываю в моей книжке, глава VIII, стр. 176 и следующие.

экстренно в Питер. Тяжесть свалилась с плеч. Такой уравновешенный человек, как Харизоменов, волновался, передавая пишущему эти строки свои впечатления о тамбовской деревне. Он был волостным писарем в одной из крупных волостей Тамбовского уезда. Он горько жаловался на то, что крестьяне Тамбовской губ. куда ниже саратовцев («Тамбовцы, изволите ли видеть, на волостном суде своем постановляют, чтобы парни секли девок за разные провинности!...»). Харизоменов был удручен, мрачно глядел на ближайшее будущее и, вообще, глядел уж волком... собираясь уже, очевидно, до «лясу»... Но куда?— вот вопрос! Тамбовское поселение еще жило, но дышало уже на ладан... *Внутренне* оно уже распалось, и толчок, данный этому распаду *извне*—местная администрация потребовала вдруг от всех *волостных* писарей уезда паспорта для проверки,—был лишь заключительным актом уже *самопроизвольно* обозначавшегося развала поселения.

Этот разговор имел место вскоре после 2 апреля (выстрела Соловьева). А к Воронежскому съезду осталось в деревне лишь *три* землеvolьца: Харизоменов, Мощенко и Хотинский—все из «центра» и один Новицкий с женой из бывшей саратовской колонии. Скажу уж кстати об участии саратовского поселения, построенного группой В. Н. Фигнер. Весною 1879 г. оттуда уехал Соловьев, вскоре один за другим оставили деревню и остальные члены поселения. В. Н. с сестрой позже всех оставили деревню, но уже в конце мая (или в начале июня) и Вера Николаевна и Евгения Николаевна, и Ю. Богданович, *все*, стало быть,—были уже в Тамбове в ожидании Воронежского съезда. И вот одно из *последних* народнических поселений тоже опустело. Подведя итог, можно сказать, что опыт построения народнических поселений в деревне в 1878 г. оказался *последним* опытом народников. К осени 1879 г. не осталось уж нигде ни одного поселения, а перед этим именно произошел раскол Общества «З. и В.». Умерла «З. и В.», а с ней, как бы догоняя ее смерть, умерли *все* народнические поселения. «З. и В.» завершила полный цикл своего естественного развития.

О Воронежском съезде я здесь говорить не буду. Я подробно изложил фактическую сторону еще под свежим впечатлением в моей книжке, в главе VIII. Я ничего к написанному

мною раньше прибавить сейчас не имею. Я хочу здесь подчеркнуть лишь одно обстоятельство, а именно: благоприятный для террористов-товарищей вотум по всем кардинальным вопросам терроризма до царевубийства включительно и права редакции «З. и В.» проводить *политический* взгляд в органе,—вотум этот, говорю я, диктовался повелительно тогдашним террористическим *настроением* громадного большинства съезда, т.-е. *террористическим настроением и деревенщины*. Это факт, и очень примечательный. Деревенщики не играли в дипломатию: они были убеждены, что никаких существенных разногласий—ни принципиальных, ни тактических—не было между товарищами-землеvolьцами в целом. Наоборот. Они, т.-е. деревенщики, видели в борьбе с *правительством*, в самых разнообразных ее формах, лишь удобный повод для продолжения работы в деревне: одни пусть тревожат правительство *сверху*, а другие (т.-е. деревенщики)—*снизу*. Надо попытаться использовать каждый крупный террористический акт, особенно же царевубийство,—как момент для *агитации* в деревне, как повод пробудить в народе *политическое* сознание, ослабить его веру в мифического царя, вдохнуть в него уверенность в том, что есть *другая* сила, которая стоит за него, защитит его от гнета и всякого насилия. Если—рассуждали деревенщики—*деревенский* террор (*аграрный* в частности) желательно проводить в массе, то, тем более, важны такие факты *городского* террора, как царевубийство и убийство высших правительственных чиновников. Нельзя же, в самом деле, поставить на одну доску убийство какого-нибудь урядника, станового, волостного старшину, деревенского кулака-миroeда и помещика-«аспида» и т. д., и т. д. с убийством царя и сановника!? Я говорю это не зря: я по этому поводу имел продолжительные разговоры со всеми моими товарищами-деревенщиками, и все они сочувственно относились к террору. Мало того. И товарищи-террористы по «З. и В.» тоже отнюдь не играли в дипломатию. Коробила лишь деревенщиков слишком резкая порою формулировка террористической тактики со стороны ее сторонников. И это порождало недоразумения и всяческие трения. А. Д. Михайлов и Н. А. Морозов в этом отношении доходили до крайностей. Теперь не время-де для программных вопросов,—аргументировал А. Д. Михайлов,—нужно *мстить*, прежде всего,

правительству за наших товарищей, надо *бить* это правительство, чтобы лишить его возможности раздавить партию. Еще весной 1878 г., когда А. Д. Михайлов явился в Питер из Саратовской губ. с широким планом организации раскола, и когда пред ним вдруг раскрылась вся немощь общества «З. и В.», он круто повернул, со свойственной ему прямолинейностью, фронт. Он заявил Г. В. Плеханову и другим, что, пока не удастся построить сильную революционную партию, о работе в деревне нечего думать. Плеханов в своих «воспоминаниях о А. Д. Михайлове» при этом лаконически замечает: «и с этим тогда нельзя было не согласиться». Н. А. Морозов в своей крайней апологии террора как будто и среди террористов стоял особо. Одним словом, Воронежский съезд не был только компромиссом, а искренним желанием обеих сторон не разбрестись врозь, когда именно требуется наибольшее сосредоточение и единение сил. А реорганизованное на Воронежском съезде общество «З. и В.» имело в своих рядах всего-навсего тридцать три человека! И эти силы еще дробить!...

Но вот уже спустя два месяца Общество все-таки раскололось.

Ни тогда, ни сейчас, 43 года спустя, я не могу себе с достаточной ясностью выяснить ближайшие мотивы этого отнюдь не неизбежного раскола. Меня тогда, во время раскола, в Петербурге не было. *Подробностей* я не знаю, а без них и разобраться то нелегко. Кто собственно обострил отношения—террористы ли (и кто именно), или деревенщики (и опять таки: кто именно), мне не удалось и тогда установить, а сейчас это тем более трудно.

На Воронежском съезде, казалось, приняты были все меры к устранению трений в *редакторской* группе, где именно *впервые* эти трения приняли слишком острый характер. Что же собственно *такое* случилось за эти два месяца вакационного затишья, чтобы вдруг вызвать решительный разрыв? Жаль, что этот важный момент в истории общества «З. и В.» до сих пор остается недостаточно *объективно* освещенными. Раскололась маленькая организация на две крошечные самостоятельные ячейки, исповедуя, в существенном, *одну и ту же* идеологию—*социалистическое народничество*, имея *один и тот же* девиз—«Земля и Воля» (по крайней мере, в *первое* время после раскола)!...Непостижимо.

От этого раскола пострадала, прежде всего, группка народников—будущие чернопередельцы. О них сейчас несколько слов.

VI.

42 года тому назад, в середине, приблизительно, лета 1878 г. тяжко заболело общество «Земля и Воля». Оно стало хиреть от неизлечимого, медленно подтачивающего его недуга. В августе же 1879 г. почил вечным сном, оставив после себя наследницу—группу «Черного Передела», бывших землевольцев в числе 21 человека. Но не все они вошли в группу «Черного Передела». Туда вошли из *старых* землевольцев: 1) Г. В. Плеханов, 2) Попов, 3) Ю. Преображенский, 4) О. Николаев, 5) Н. Короткевич, 6) М. Крылова, 7) В. Игнатов, 8) Л. Гартман, 9) Аптекман. Из *новых*, принятых на Воронежском съезде, землевольцев вошли: 10) Стефанович, 11) Дейч, 12) Аксельрод и 13) В. Засулич. Остальные восемь землевольцев не вошли в группу: Н. Моценко и Д. Клемену сидели под замком: первый в доме предварительного заключения в Петербурге, второй—в Петропавловской крепости. Хотинский и Кравчинский были уже за границей, за ними вскоре последовал и Тищенко. Н. Сергеев и Харизоменов не пристали к «Черному Переделу», а Мельгунов давно уж «пропал без вести». *Вновь* кооптированы следующие лица: 1) Козлов, 2) Е. Козлова, 3) Е. Н. Ковальская, 4) Е. Шевырева, 5) Н. П. Щедрин, 6) Переплетчиков, 7) П. В. Приходько-Тесленко и 8) А. Жарков (наборщик—предатель) и, наконец, 9) И. П. Пьянков. Всего в группе «Черного Передела» 22 человека.

Впрочем, Л. Гартман скоро улетел из этого гнезда. Подготавливая в Москве подкуп, народовольцы, нуждаясь в рабочих силах, обратились к чернопередельцам, чтобы они отпустили к ним кого-либо из их товарищей. Вызвался Гартман. После взрыва 19 ноября 1879 г. под Москвою, Гартман вскоре эмигрировал. Заграницей Гартман уже является представителем партии «Народной Воли»,¹ которая открыто обращается к нему, уполномочивая его на те или другие действия. Скажу уж кстати, что Л. Тихомиров не раз пытался перетянуть меня в свою фракцию, но всегда получал один и тот же ответ: «Если товарищи

отпустят—пойду!». Конечно, он звал меня не для террористической работы, хотя он и не говорил—для какой именно работы, но это само собою, что не для террора. Я не помню, передавал ли это я товарищам, но они во всяком случае не отпустили бы меня. Заговорил я об этом, чтобы показать, какие вообще хорошие отношения установились между народовольцами и чернопередельцами, а у меня лично со всеми старыми товарищами по «З. и В.», вошедшими в «Народную Волю», неизменно сохранились старые симпатии. Л. Тихомиров, по тому или другому поводу, частенько приходил на конспиративную чернопередельческую квартиру. Не забывала чернопередельцев и С. Перовская, она все ждала, не построят ли чернопередельцы какого-либо поселения в деревне, куда она рвалась всей душой. Не дождалась, так как у чернопередельцев ничего в деревне не было построено, хотя у них были большие надежды на такого строителя, как Стефанович, слава которого не поблекла еще тогда. Не дождалась С. Перовская никакой работы в деревне и навсегда и окончательно ушла к народовольцам.—Наследство, полученное группой «Черного Передела» от общества «З. и В.», нельзя назвать большим: *пять №№ органа «З. и В.»*, как завет Общества, и *ни одного деревенского, революционно-народнического поселения*. С деревней порваны всякие связи. Надо строить опять по-новому. Это—завет «Земли и Воли». Сунулись было опять в Чигиринский уезд, так туда и подступиться нельзя было: военное положение создало в Чигирине такую обстановку, при которой нельзя было и думать о каком-либо революционном начинании там. Стефанович, следивший за рекогносцировкой Чигирина, вернулся в Петербург ни с чем и коротал дни свои в беседах со мною и другими товарищами. Он явно томился и в тяжелые минуты особенно ревностно сосал свою капсюльку, наполненную цианистым калием.

Про него сложилась целая легенда в революционной среде: фотографическая карточка его имеется-де на всех железнодорожных станциях, чуть ли не даже награда большая назначена за его поимку, и т. д., и т. д.

Стефанович решил живым не отдаться, а потому держит во рту наготове смертоносную капсюльку. Он жил особо, где-то на Кабинетской ул., кажется. Большая, обитая темными обоями

комната, дешевые ковры на полу; хозяйка—старая чиновница, молчаливая, словно дала зарок не говорить. Тишина поразительная. Что-то карбонарское, заговорщическое во всей обстановке.

Я часто бывал у него и долго длились наши беседы *tête á tête*. Мало говорит Стефанович, но хорошо слушает. Это придает ему вес, значение. Ко мне он относился очень симпатично, нередко загадочно улыбался, слушая меня.

Ну, а я, как и все, создал из него идола: «организатор народный!».

Но удивительно, что тогда ни я, ни товарищи мои, как Плеханов и М. Р. Попов, ни С. Перовская, с которой, во время редких ее посещений приходилось говорить и о Стефановиче,—не поставили даже такого простого вопроса: почему это у Стефановича так опустились руки? Почему он, такой выдающийся несомненно народный организатор, не *пытается* даже приложить свои силы в другом месте? Разве свет клином сошелся на Чигирине? Эти вопросы, казалось бы, были так естественны, а мы их и не подымали—просто не пришли в голову. А, между тем, на юге и юго-западе (в Волынской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской и проч. губ.) было положительно неблагополучно. Помню, я получил корреспонденцию из Мглинского уезда. Прочел ее Стефановичу, жду его мнения, а он загадочно молчит. Чорт возьми! ни дать, ни взять—Вильгельм Оранский!..А в корреспонденции уж много такого горячего...Я нетерпеливо тормозу Стефановича, а он флегматически, ловко в это время маневрируя языком, чтобы перебросить капсюльку в другую часть полости рта, цедит: «Переборщил хлопчик!..из мухи слона делает».... А вот теперь, повторяю опять, из дел III отделения я вижу, что в то время,—по крайней мере в 78 г. еще,—на юге, в Полтавщине, напр., отголоски «царской грамоты», «царского комиссара» были очень еще живы и встревожили губернские власти зело. Почему же не пришло Стефановичу и всем нам в голову воспользоваться хотя бы и недостоверными слухами, получаемыми нами от наших корреспондентов, и попытаться построить на *новом* месте *новую* организацию на *строго-революционных* началах, как этого требовало социалистическое народничество, а, стало быть, и программа «Черного Передела»?

А этой нашей тогдашней резиньяцией—иначе я не могу охарактеризовать тогдашнее настроение чернопередельцев, с Стефановичем в главе—мы только подрезали тот народнический сук, на котором землевольцы-народники и их естественные наследники—«чернопередельцы - федералисты»—сидели до сих пор. Деревня ушла от «Черного Передела» и, повидимому, бесповоротно и надолго. Что же теперь? Что же чернопередельцы-народники значили без работы в деревне? Какое значение могла иметь наша пропаганда революционно-народнических идей среди интеллигенции и рабочих, когда прошлая наша деятельность в деревне оказалась *мало-результатной*, чтобы не сказать больше, а *настоящая*—находится только in spe? То были мучительные вопросы, истерзавшие всех чернопередельцев, в том числе и меня.

Я ухватился за «Черный Передел», как утопающий за соломенку. Хоть что-нибудь спасти из прошлого *революционного* народничества! Я тогда еще был настолько слеп, что не видел, что *революционное народничество* изжило уже самого себя, что оно—уже ueberwundener Standpunkt... Я не мог знать, что оно возродится, как *легальное* народничество, и внесет свою лепту в историю мирного культурного развития родины.

Одно только было ясно: пропаганда революционного народничества среди интеллигенции была еще менее успешна, чем во время землевольчества. Тогда молодежь *выжидала* результатов работы в деревне самих землевольцев и воздерживалась от *активного* пока участия, а теперь, не видя никакой работы в деревне, она просто не шла к чернопередельцам. А чернопередельцы, в лице Плеханова, Аптекмана, Николаева, Преображенского, Попова и Щедрина, ведших, до выхода еще газеты «Черный Передел», энергичную пропаганду среди молодежи, убедились вскоре, что молодежь отходит от них все больше и больше. Пристали лишь небольшие группки поддерживавших *единственное* практическое начинание чернопередельцев—издание органа «Черный Передел». Эти небольшие ячейки были убежденные народники-социалисты, всеми силами старавшиеся раздуть едва-едва тлеющие огоньки жизни в умирающем уже революционном народничестве.

Наиболее же боевые, темпераментные элементы ушли целиком в народовольчество. А *масса* молодой интеллигенции пере-

довой, вполне разделяя народнические идеалы как чернопередельцев, так и народовольцев—она не усмотрела у обеих фракций никакого *принципиального* различия—вырабатывала, между тем, основаначала будущего *«третьего элемента»* земских и общественных, вообще, учреждений,—элементы народившегося уже, но *еще* неоформившегося *легального* народничества. При такой позиции молодой интеллигенции к «Черному Переделу», последний eo ipso был осужден на фактическое бессилие. И оно так и было. И в Петербурге, и в Москве, и в Харькове и проч., где пытались работать чернопередельцы—езде одно и то же: безуспешность работы. На глазах чернопередельцев в провинции, образовавшиеся было уже ячейки чернопередельческого направления оставляют вдруг свои позиции и переходят к народовольцам. М. Р. Попов, один из столпов «Черного Передела», переходит в Киеве целиком к народовольцам—*фактически*, как работник, проводящий тактическую линию народовольцев, *формально*, вступая с народовольцами в определенные *федеративные* отношения. Мало того. Он подымает вопрос о *полном* слиянии обеих фракций,—народовольческой и чернопередельческой, убедившись, наконец, что это разделение послужило лишь во вред «передельцам». Неожиданный арест его и разгром всего его кружка приостановили дальнейшие его попытки в этом направлении. Отъезд за границу Г. В. Плеханова, Стефановича, Дейча и В. Засулич *фактически* ликвидировали группу «Черного Передела». Они уехали по единогласному постановлению Совета, который предвидел уж тогда, что ликвидация неминуемо и естественно надвигается, что, по крайней мере, надо спасти названных товарищей от бесплодной гибели их от рук правительства.

Прибытие из-за границы П. Б. Аксельрода, хотя на первых порах оживило несколько «Черный Передел», но только *оживило*: *существенной* перемены не произошло. «Черный Передел» не воскрес. Зародившееся в 1880 г. *новое* Общество «Земля и Воля», в значительной мере обязано этим П. Аксельроду. Оно, если не дело рук его, то—головы его. Общество это выпустило свою программу, одобренную эмигрантами-чернопередельцами, т.-е. группой Г. В. Плеханова, Стефановича, Дейча и проч. Отметим характерные черты этой программы. Прежде всего, политические требования признаются в ней самым категорическим образом.

В программе, между прочим, сказано: «В виду того, что всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплуатирующего меньшинства (в оригинале сказано: «эксплуатируемого», — очевидно — опечатка. А.), что современное российское государство является самым беззащитным и самым грубым выразителем этой тенденции, общество «Земля и Воля» признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т.-е. так называемого террора политического»¹⁾).

Мало того. Общество «Земля и Воля» предвидит даже возможность конституционного движения в России и не только не чурается его, а прямо зовет идти навстречу ему. Оно говорит: «В виду возможности конституционного движения в России, общество считает необходимым воспользоваться естественным в такой момент возбуждением умов, чтобы ослабить веру народа в значение мирных легальных реформ. Например, во время избирательной агитации оно может выставить даже своих кандидатов с социально-революционной программой. Отношение к такой программе громадного парламентского большинства послужило бы одной из иллюстраций того положения, что народу остается надеяться лишь на революцию».

Перед нами, таким образом, программа по существу своему, за вычетом якобинизма, мало отличающаяся от программы «Народной Воли». И тут и там социально-революционная основа, и тут и там ставится точка на «и», т.-е. выдвигается политический террор, политическая борьба. Мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе этой народнической организации, этого нового Общества «Земля и Воля» — как долго оно просуществовало и что оно успело сделать²⁾).

¹⁾ Курсив мой. А.

²⁾ По поводу нового общества «Земля и Воля», общества, так сказать, аксельродовского направления, у меня за границей завязалась переписка (в 1907—08 г.г.). Аксельрод подробно знакомит меня с целью и ближайшими заданиями этого Общества и его отношениями к группе «Черного Передела», т.-е. собственно к редакции газеты «Черный Передел» (Последняя, т.-е. газета «Ч. П.», является лишь литературным органом Общества, выразителем его воззрений и тактики; во всей же своей практической деятельности во всех делах своих, Общество сохраняет полную свою автономность. Как численно было велико это Общество, что оно успело осуществить в то время,

Мы отметили ее существование лишь для того, чтобы показать, какой огромный успех, в смысле выяснения политического сознания, сделали вскоре даже народники, — люди, по основному своему воззрению, столь отрицательно относившиеся до сих пор к «политике».

Раз начавшаяся работа мысли в этом направлении продолжалась безостановочно. Скажу уж попутно, что уже в 1883 г. за границей возникла из бывших членов группы «Черного Передела» новая группа «Освобождение Труда», поставившая себе целью пропаганду социально-демократических идей. Основателями были: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов.

Группа обнародовала свою программу. В высокой степени примечателен следующий пункт: «... Группа «Освобождение Труда» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению. Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение Труда» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства (курсив мой. А.) и расходится с партией «Народной Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса». (Курсив последних строк авторов программы. А.)

Это признание со стороны бывших чернопредельцев, а особенно со стороны Г. В. Плеханова, самого яркого и последователь-

после разгрома всей почти группы «Черного Передела», преемником которой оно, это Общество, явилось, — П. Б. Аксельрод ничего положительного насчет этого не говорит. Единственный вывод: были большие планы, была хорошо обоснованная программа, применительно уж к новой революционной ситуации. И только. К сожалению, письма Аксельрода остались за границей, и я сейчас не могу ими воспользоваться, чтобы процитировать все, что касается этого Общества. Такое же впечатление, как и письма, производит обстоятельная статья Аксельрода в цюрихском социал-демократическом обозрении «Jahrbuch für Socialwissenschaft», в статье под заглавием: «Entwicklung der soc.-rev. Bewegung in Russland». Аксельрод приводит, между прочим, и программу этого Общества и представляет все в таком виде, что получается впечатление чего-то большого, серьезного, но фактов, подтверждающих это, к сожалению, не дает. А.

ного противника политического террора, в высокой степени знаменательно. Это подтверждает косвенно мое утверждение, что народники («деревенщики») *психологически* были *так же* настроены, как и *террористы-землеольцы*.

Этот решительный сдвиг в сторону политической борьбы главарей «Черного Передела» и редакторов газеты «Черный Передел» выявился еще раньше, в течение уже 1880—81 годов,—что особенно легко проследить по газете «Черный Передел» за это время.

Но, прежде всего, несколько слов об организации *редакции* «Черного Передела».

В редакцию «Черного Передела», согласно ее декларации, о которой мы выше говорили, вошли: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефанович и Л. Г. Дейч.

Аксельрода ждали со дня на день из-за границы, а торопиться с выпуском первого номера было необходимо, в виду тогдашних бурных обстоятельств. Решено было поэтому привлечь Аптекмана в редакцию. И первый номер, в руководящих его статьях, был составлен исключительно Плехановым и Аптекманом. Когда, наконец, П. Б. Аксельрод прибыл, первый номер был уже почти весь набран. Из чернопредельцев лично знал Аксельрода только Плеханов, еще с осени 1875 г. Вот что Плеханов передавал мне о П. Б. Аксельроде.

В 1875 г. Плеханов был студентом Горного Института и далеко стоял от тогдашних революционных кружков молодежи: наука, в особенности химия, всецело владела им. Вдруг к нему привели ночевать незнакомого—на несколько ночей только. Это был П. Б. Аксельрод. Познакомившись, разговорились. Плеханов рассказывал, что Аксельрод с первого же раза произвел на него глубокое впечатление своей беззаветной революционной преданностью, своим революционным подвижничеством. Аксельрод увлек его и перепознакомил с некоторыми революционерами и революционными кружками. А перед своим отъездом из Петербурга,—прибавлю я от себя уже,—Аксельрод повидался с Натансоном, строившим тогда организацию «Земля и Воля», и указал ему на Плеханова, как на весьма талантливого юношу, которого следовало бы привлечь к делу. Натансон так и поступил: 6 декабря 1876 г. мы видим уже Плеханова в рядах землеольцев на «Казанской демонстрации».

Из *старых* землеольцев, не приставших к «Черному Переделу», Аксельрода знала еще Перовская. Она рассказывала мне, как Аксельрод умело ведет пропаганду среди цюрихских рабочих. Все это, говорю, придавало особую ценность привлечению в наши ряды Аксельрода, и я более, чем кто-либо из чернопредельцев, с нетерпением ждал приезда Аксельрода, ибо на мне, помимо редакторских обязанностей, лежала масса административных забот и, между прочим, работа среди молодежи и интеллигенции. Помню хорошо первые дни приезда Аксельрода. Как оживились мы все! Сколько горячих было споров, пока не сговорились окончательно! Между нами Аксельрод был уник, мы его прозвали с первого же раза «западником»: он никак не мог переварить того, что назвал совершенно правильно «славянофильством» в нашей идеологии, ему было совершенно чуждо название «народники» и он, «упорствуя, волнуясь и спеша», настойчиво убеждал оставить совсем это название и назваться «социалистами-федералистами», ибо это последнее, горячо доказывал Аксельрод, eo ipso приобщит нас к Международному Обществу Рабочих». Мы уступили. Аксельрод энергично взялся за работу. Анархист—он не был, по моему, бакунистом, хотя сам он причислял себя к *бакунинскому* толку. От Бакунина отличали его некоторые принципиально существенные разногласия: Бакунин выдвигал на первый план *стихийность*, революционный *инстинкт* масс, на которых базировал свою программу и тактику¹⁾. Аксельрод, наоборот, в центр программы ставит *сознательность*, а потому он придает такое большое значение *пропаганде*: «... Пропаганда может внести *новое содержание* в народные движения и обеспечит за ним великое историческое значение по *нравственным* и *умственным* результатам для дальнейшего направления мыслей и чувств

¹⁾ Из современных мыслителей, французский философ Бергсон является самым ярким представителем учения об *инстинкте*, как доминирующем, в противоположность *сознанию*, факторе в «творческой эволюции» («*évolution créatrice*») живой организованной природы. К слову сказать. Это учение Бергсона в настоящее время явилось философским обоснованием современного французского *анархо-синдикализма*. «Инстинкт» Бакунина возродился, таким образом, в настоящее время,—может быть, и без ведома самого Бергсона,—под знаком «Бергсонизма». А.

народа»¹⁾. Это—во-первых. Аксельрод хотя и анархист, но он анархист в западно-европейском смысле: он враждебен «государственности», западному «парламентаризму», но по отношению к России, в противоположность Бакунину и его последователям, он является настоящим западником: он считает политическую борьбу в России неизбежной, но ставит ее под контроль социализма, как верховного критерия революционной деятельности; он поэтому решительно против аполитического настроения народников-бунтарей (бакунистов тоже), его не удовлетворяют даже такие лозунги, как «Земля и Воля» и «Черный Передел», формулирующие «исконные идеалы народа». И вот с такими идеями, казавшимися нам, правоверным народникам, черной ересью, прибыл к нам Аксельрод, и, как прирожденный пропагандист, он стал неумолимо проводить их в подготовляемых им статьях для «Черного Передела» и среди молодежи. Быстро организовал он кружок, собиравшийся у Решко, из студентов, студенток, морских офицеров. Я помню хорошо брата Л. Буланова, мичмана (?) Анатолия Буланова, студента 4 или 5 курса Медико-Хирургической Академии, М. С. Уварова (впоследствии крупного земского деятеля, в качестве санитарного врача, типичного представителя «третьего элемента»). Я, между делом, захаживал в этот кружок и лично не раз убеждался, каким неотразимым влиянием там пользовался П. Б. Аксельрод. И, после уже полного крушения основной группы «Черного Передела», оставшись один, он с большей еще энергией продолжал начатое дело. И, если за группой «Черного Передела» и газеты ее можно признать несомненную заслугу в том, что она окончательно, в процессе своего развития, очистила революционное народничество от пережитков аполитизма, то в большей мере это—результат неустанной и последовательной пропаганды Аксельрода. По его инициативе, как я уже выше упомянул, образовалось «Северно-Русское Общество Земли и Воли», в 1880 г., с программой «социалистов-федералистов» и центральным органом его «Черный Передел». Общество это продолжало еще работать в этом направлении, т.-е. в направлении идей «Черного Передела», и по отъезде

¹⁾ Из статьи П. Б. Аксельрода «Переходный момент», «Община» №№ 8 и 9, ноябрь и декабрь 1878 года. А.

Аксельрода за границу, оно выпустило еще *пятый* номер «Черного Передела»,—*последний* его номер (удивительное совпадение: и «Земля и Воля» завершила также пропаганду своих идей *пятым* только номером). Надо полагать, что *этим* только, по необходимости, ограничивалась революционно-народническая работа названного Общества, как и других группок и ячеек чернопеределъцев *аксельродовского* типа. Т.-е. *пропагандой печатной и устной среди интеллигенции передовой учащейся молодежи, среди рабочих и кое-каких элементов других демократических социальных групп, доступных их воздействию*. Скажу уж попутно, что, по возвращении моем из ссылки в 1886 г., я в Казани и Курске познакомился с уцелевшими от общего социально-революционного развала, последовавшего за полным разгромом «Народной Воли», некоторыми представителями *вторичной чернопеределъческой* формации,—если хотите—*аксельродовской*. В Курске я даже случайно попал на небольшую сходку такой молодежи. Я был удивлен и поражен. На меня повеяло стариной, хотя и недавней еще. Молодежь эта опять собиралась... «в народ», да—в народ! собиралась повторить *тот же* опыт, который семидесятники проделали, но уже вооруженные не только традицией борьбы, но и результатами их опыта, теоретического и практического. Семена кое-какие, в последнем счете, были посеяны *революционным* народничеством («Землею и Волею» 70-х годов и преемником ее—«Черным Переделом»). Это—для меня несомненно. Да и большего нельзя было потребовать от революционного народничества, принимая во внимание всю совокупность тогдашней русской действительности. И самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет,—по поговорке французской.

И еще одно попутное замечание в связи с сказанным. Недавно я встретился с одним старым народовольцем, А. Л. Блеком. На мой вопрос, знает ли он что-нибудь о «Северно-Русском Обществе «Земля и Воля» 80-х годов, он высказался полным неведением (а А. Л. Блек тогда близко стоял к революционной среде вообще, и к народовольцам и чернопеределъцам—в частности): о *таком* Обществе-де что-то не слышно было. Зато он передал следующие сведения о № 5 «Черного Передела». Редакторами № 5 были: Анатолий Буланов и Загорский, первый—морьяк,

второй — юрист-студент, впоследствии — присяжный поверенный (последнего я тоже лично помню, но смутно).

Сотрудничали: Марковский, Святослав Адамович, Владимир Дмитриевич Ченькаев (хороший мой знакомый, известный земский деятель—врач Саратовской губ.) и Мих. Мих. Симзен, врач Пензенской губ.

Причастны также были к группе «Черного Передела» мичман Ник. Ник. Лавров и А-др Ник. Вырубов, оба работали среди городских рабочих (последний, по сведениям А. Л. Блека, служил по выборам в земстве, потом выехал за границу). *Voilà tout.* Так как мое участие в «Черном Переделе» было оборвано, благодаря предательству Жаркова, при самом начале же существования «Черного Передела» (я был арестован 30 декабря 1880 г.), то весьма желательно, ради истины и верного освещения всей недолгой, в целом, революционно-народнической работы группы «Черного Передела», чтобы отозвались, если таковые есть, участники или примыкавшие просто к «Черному Переделу» лица и поделились своими сведениями о последних днях «Черного Передела». То, что я видел и пережил с «Черным Переделом» — было серо, сонно, вяло — в эмоциональном отношении, инертно, бездеятельно и неудачливо — в волевом. Мне казалось, что революционное народничество, как идеология, отмирает уже, народническая же революционная практика-изжитая уже иллюзия, мечта молодой фантазии, надуманных построений. Но, может быть, я ошибаюсь. Ведь то, что совершалось тогда вокруг меня — и победные действия восходящего тогда «народовольчества», и предсмертные судороги революционного народничества, и, в целом, идейная спутанность революционных и неревolutionных интеллигентских слоев общества, нестойкость их в преследовании своих задач, порывистость, но не порыв, экспансивность, но не глубина, доверчивость, но не вера и т. д., и т. д., — все это воспринималось мною, может быть, слишком субъективно, а потому моя оценка как чернопредельческой работы, так и народовольческой грешит против исторической истины. Пусть же вносят поправки те, которые могут это сейчас сделать, и пусть торжествует только истина — суровая и нелюбимая. Мне же, непосредственному участнику и современнику тех дел, — это не дано и не может быть дано: трудно быть одновременно

и историком в научном смысле, и невольным историком, т.-е. летописцем того, что сам переживал — мемуаристом.

Мне остается, в заключение, сказать еще несколько слов о содержании газеты «Черный Передел». О том сдвиге, который произошел во взглядах чернопредельцев по отношению к политической борьбе (политическому террору), я уже выше говорил. Основными его причинами и условиями были, с одной стороны, подлый, трусливый разгул правительства Александра II, а с другой — захватывающий пример борьбы против него народовольчества. Создалась атмосфера, насыщенная политическим гневом. Влияние отдельных личностей в этой драме было несомненно велико, но размах этого влияния определялся основными причинами и ими же ограничивался.

Что же касается пропаганды «Черным Переделом» его программы и тактики, то «Черный Передел» не внес в этом отношении ровно ничего нового и оригинального. Все — старое, землевольческое, начиная с социалистически-народнических предпосылок и, кончая деталями тактики. Так: аграрный экономический террор в деревне, с организацией боевых дружин, аналогичных ирландскому риббонизму, организация городского экономического террора среди рабочих на фабриках и заводах, опять-таки наподобие английских рабочих союзов до 1824 г. (статья Плеханова в № 4 «Земли и Воли»), — все это было подробно и основательно изложено в №№ 1, 3, 4 и 5 «Земли и Воли». И программа эта была санкционирована на Воронежском съезде полным составом всех членов общества «Земля и Воля», за исключением лишь отсутствовавших пяти действительных членов этого Общества, — Преображенского, Мощенко, Харизоменова, Хотинского и Зунделевича. Сам Плеханов в передовой своей статье в № 1 «Черного Передела» ссылается на свои статьи в №№ 3 и 4 «Земли и Воли».

Это значит, что «Черный Передел» исчерпал себя как теоретически, так и практически, это значит, далее, что его необходимо было уже заполнить новым содержанием, что время его прошло, т.-е. революционное народничество завершило уже полный круг своего существования — сошло со сцены.

Кончаю. Я сделал все, что мог, пусть другие лучше сделают!

О. В. Аптекман.

7 марта 1922 г.
Петроград.